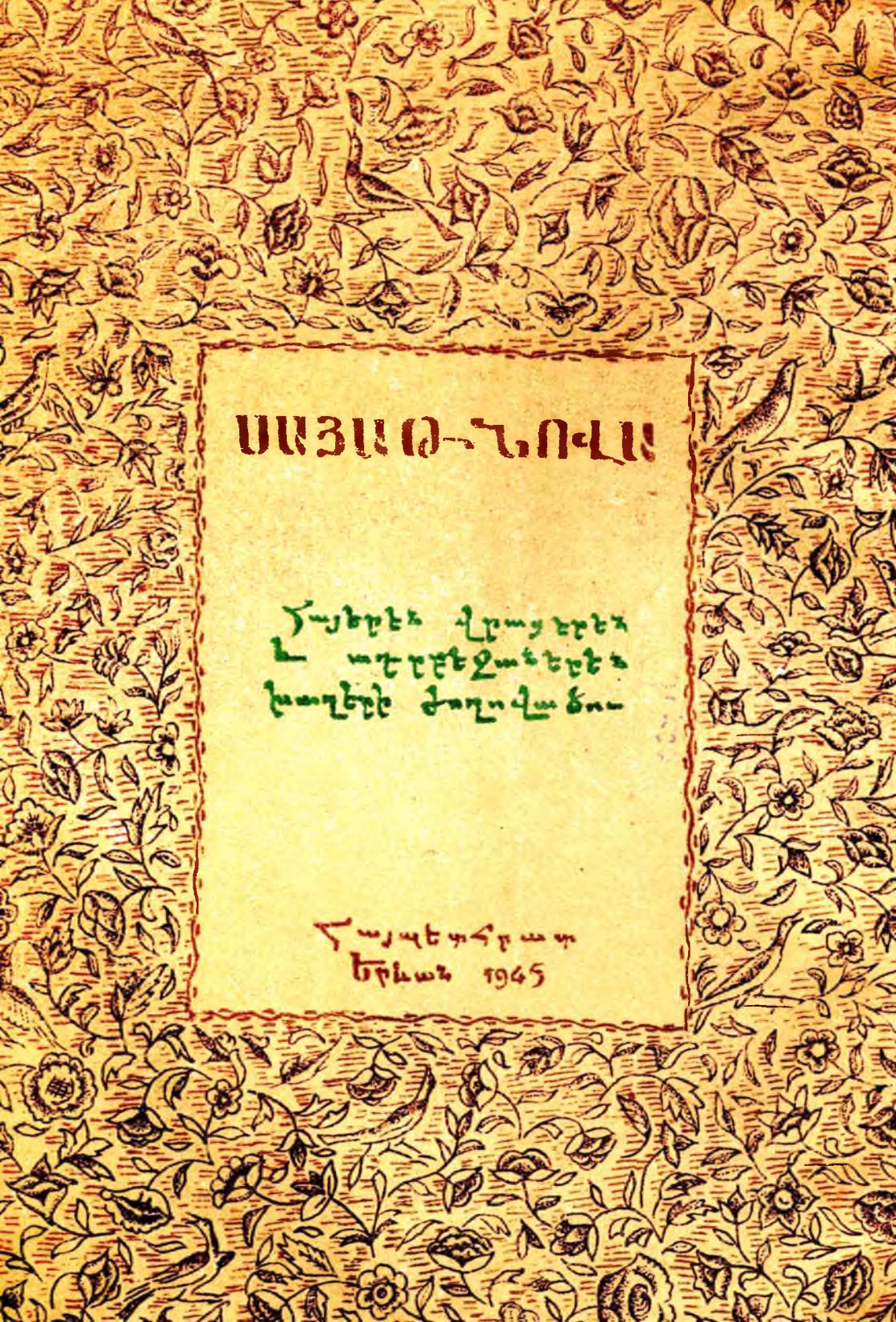

PX-187408

001

САЯТ-НОВА

ՍԱՅԱԹ-ՆՈՎԱ

Դայերէն Վրացերէն
և աղբիւրքաբէրէն
Խաղերն ժողովածոս

Դայպէտրատ
Երևան 1945

САЯТ - НОВА

804781

Сборник армянских,
грузинских и
азербайджанских
песен

Армиз
Ереван 1945

Сборник

составил, снабдил примечаниями и редактировал проф. Г. АБОВ-

*Обложка, форзац, титульные листы, портрет, шмуц-
титулы и иллюстрации АКОПА КОДЖОЯНА.*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Идея издания этой книги возникла в связи со 150-летием смерти великого армянского поэта-ашуга Саят-Новы.

История переводов песен Саят-Новы на русский язык имеет давность десятилетий. Еще в 1851 году поэт Я. Полонский опубликовал перевод нескольких песен Саят-Новы с предисловием, знакомящим с жизнью и творчеством поэта. Впоследствии и другие писали о Саят-Нове, переводили его песни на русский язык, но в деле ознакомления русского читателя с Саят-Новой наиболее важная роль должна быть отведена такому авторитету, как Валерий Брюсов.

Можно сказать классический перевод десяти-двенадцати песен и написанные Брюсовым строки о Саят-Нове, как о всемирном поэте, окружили имя поэта в русской действительности особым очарованием.

Издание русских переводов песен Саят-Новы получило особый размах после Октябрьской революции. В 1939 году в Москве маленькой книжкой вышли в свет песни Саят-Новы на русском языке. Сборник состоял из армянских песен, частью уже изданных ранее и грузинских песен, издаваемых впервые.

Настоящее издание сравнительно более цельно, нежели предыдущие, так как оно полнее охватывает творчество Саят-Новы на трех языках. Здесь русский читатель встретит не только впервые переведенные армянские и грузинские песни, но и в прошлом неудачно переведенные песни,—в более удачном переводе. Самой большой новизной этого сборника является раздел азербайджанских песен, которые лишь недавно были расшифрованы и переведены на армянский язык кандидатом филологических наук М. Асратяном. Таким образом эта книга дает возможность русскому читателю ознакомиться как с армянскими, так и с грузинскими и азербайджанскими песнями, правда, не всеми (это—дело будущего), но со значительной и наиболее интересной их частью.

Подстрочники впервые переведенных песен сделаны Асратяном М., Качазуни М., Мелекян Е., Погосян Р., Тадсосян А. и Шавердсовой С.

Վ Ա Յ Ե Դ Ե Ն
 Ի Ա Ն Ե Դ

ԱՐՄՅԱՆՏԻ ԲԵՏԻՆ

ՎԱՆՆ ԵՍՐԻ Զ ԿՆԵՍ ԻՆԵՒ Ի ԶՆԵՐ ԵՐԻՉ ԶԵՐԵՆ Ե
 ՎԱՆՆ ԵՍՐԻ Զ ԿՆԵՍ ԿՆՐԵՆՆ Ի ԳԻՐԵՆ ԵՐԻՉ ԳԵՐԵՆ Ե
 ԲԵՆԻՐԵՆ ԵՍԼԱԿ Զ ԶԱՆԿԱՅ ԳԱՐՍՈՒՒ ԵՒ ԳԱՐՍՈՒ ԿՐԵՐԵՆ Ե,
 ՍԵՂԱՎԻ ԿՐԵՆ ԵՍԼԱԿ ԵՍԱՍ ԳԻՐԵՆ ԶՆԵՐԵՆ ԶԱՐՍՈՒՒ ԳԻՐԵՆ Ե
 ՍԵՂԱՎԻ ԵՍԼԱՍ ԳԻՐԵՆ ԿՆԵՐԵՆ ԳԻՐԵՆ, ԶԱՐՍՈՒՒ ԶԱՐՍՈՒՒ ԳԻՐԵՆ Ե

Проф. Г. ЛЕОЗ

ПЕВЕЦ ЛЮБВИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Многообразна и богата армянская средневековая поэзия. Наряду с бессмертным эпосом „Давид Сасунский“ и обаятельной лирикой „Айрен“-ов, армянский народ дал таких крупнейших поэтов, как Григор Царекаци (X в.), Фрик (XIII в.), Константин Ерзнкаци (XIII—XIV в.), Ованес Тылкуранци (XV—XVI в.), Григор Ахтамарци (XV—XVI в.), Наапет Кучак (XV в.) и Овнатан Нагаш (XVII—XVIII в.)—мастеров поэтического искусства, создавших незабываемые памятники художественной литературы, проникнутые глубокой лирикой и гуманизмом.

Саят-Нова (Арутин Саядян) завершает эту плеяду средневековых армянских поэтов, великолепно обобщает воспетые ими мотивы, является венцом их поэтического мастерства.

Наделенный редким даром передачи тончайших оттенков чувств, огромным темпераментом и богатейшей фантазией, этот гениальный мастер, владевший ридом восточных языков, великий поэтический опыт отчизны обогатил и поэтическим наследием Востока (персидского, азербайджанского, грузинского и арабского). С равным мастерством он творил, перекладывал на музыку и пел свои стихи не только на армянском, но и на грузинском, азербайджанском и других языках.

Жил Саят-Нова в XVIII веке. Для армянского народа XVIII век был полон противоречий. Армения переживала тягчайшие дни. Она была лишена политической самостоятельности, была раздроблена персидской и турецкой тиранией, ее территория служила постыдной ареной варварских нашествий, порабощений и разрушений.

Армянский народ укрываясь в ее неприступных горных твердынях, продолжал и в этой кровавой атмосфере хранить высокие предания предков и не отрывался от своей многовековой культуры, сберегая и пополняя ее богатейшую сокровищницу.

Разорялась страна, угонялись в плен и продавались в рабство женщины и мужчины, юноши и дети. Часть армянского населения угнанная насильно, или сама спасавшаяся от бесконечного истребления, разбрелась по всему свету, находя пристанище в отдаленнейших уголках мира, и бережно хранила и распространяла культурное наследие своего исторического прошлого.

* * *

К числу таких скитальцев принадлежали и предки Саят-Новы. Они были уроженцами Аданы Алеппо. Его отец—махтеси Карапет—был один из тех армян, которые покинув родину, бродили из страны в страну, как изгнанники. Вероятно, он обладал большими материальными средствами, был ремесленником или купцом, имевшим возможность съездить в Иерусалим и получить почетное звание „махтеси“ т.е. побывавшего в Иерусалиме. Из Алеппо Махтеси Карапет переехал в Тифлис и окончательно обосновался здесь, женился на некоей Саре армянке—уроженке Авлабара, одного из районов старого Тифлиса. Точная дата рождения Саят-Новы окончательно

не установлена: часть исследователей относит ее к 1712 году, другие к 1722 году. Самым вероятным было бы считать за дату рождения—конец второго десятилетия XVII века.

О месте своего рождения Саят-Нова определенно указывает в одном из азербайджанских своих стихотворений:

„Где же родился Саят? Назовут Хамадан,
Скажут Инд. Нет. Отец мой из дальних стран:
Жил в Алеппо, а мать—авлабарка, мне дан
Свет в Тбилиси—и свою в нем нашел я судьбу“.

Он был отдан в ученики к ткачу, а затем повидимому был послан для получения образования в Санаинский монастырь, считавшийся в эту эпоху одним из центров армянской культуры в Закавказьи. Еще в юношеские годы Саят-Нова изучил несколько языков, а также грабар—древне-армянский язык.

Судьба Саят-Новы была сходна с судьбой современного ему армянского юношества: и ему привелось бродить по чужим странам, изведать горечь и тягость жизни скитальца.

В одном из своих носящих автобиографический характер стихотворений Саят-Нова отмечает:

„Когда мне стало лет семнадцать еще ашугом не был я,
Когда мне стало девятнадцать—Абаш и Инд*) увидел я“.

Часть исследователей связывает пребывание Саят-Новы в Индии с походами Надир-шаха, что является вполне вероятным, поскольку в полчище персидского завоевателя входили набранные в Грузии отряды, а также грузинский царевич Ираклий, который по возвращении из индийского похода был провозглашен царем в Кахетии.

Участие Саят-Новы, как одного из дворцовых сазандаров, в нашествиях Надир-шаха делает правдоподобным предположение об его авторстве одной летописи, описывающей эти походы, и дошедшей до нас под авторством тамбурачи Арутина.

Что Саят-Нова действительно скитался по многим странам, многое перевидал,—об этом свидетельствуют также упоминаемые в его стихотворениях конкретные географические названия и имена лиц. Недаром многие из его современников считали его уроженцем то Хамадана, то Индии и т.д. Не исключается, что он побывал во многих городах Турции.

Что послужило причиной странствований Саят-Новы? Преследования ли на родине, пленение, воинский набор или властное повеление его призвания певца—трудно сказать; также трудно указать с точностью, когда он вернулся в Тифлис.

Известно лишь, что в середине XVIII века он был дворцовым певцом грузинского царя Ираклия второго. Об этом упоминает в своих стихотворениях сам Саят-Нова, об этом свидетельствует и описание свидания с Иона Хелашвили.

По сведениям грузинской летописи „Калмасоба“ Саят-Нова поведал Хелашвили следующее:

...„Я написал и переложил свои грузинские песни на персидские мотивы. Этого еще никто не делал.

И вот, когда царь Ираклий призвал нас, музыкантов в меджлис, я спел по грузински на персидские лады. Царю это очень понравилось, и он даровал мне халат. После этого многие стали хвалить меня и следовать моему примеру“...

Описанное событие могло иметь место не ранее, чем в 1744 году—год восшествия Ираклия на грузинский престол. Не могло оно произойти и позднее 1766 года, когда удалившийся от грузинского двора Саят-Нова жил в Карвансараяе Кахи.

*) Абиссинию и Индию.

Из различных отрывочных сведений дошедших до нас по рассказам современников Саят-Новы, также на основании стихов поэта можно установить, что жизнь его в царских палатах протекала не столь уж гладко и мирно; у него часто бывали во дворце столкновения. Об этом говорит и запись сына поэта Огана в сборнике стихов Саят-Новы, переписанном Оганом в 1828 году в Петербурге по просьбе грузинского царевича Теймураза. Оган указывает по поводу одного из стихотворений отца... „Это же составленное на игре слов (стихотворение) так сказать, ругань. Саят-Нова в Телаве повздорил... с царевичем Вахтангом и, как человек неосторожный, там же прочел стихотворение царевичу в 1751 году“.

Дворцовые интриги и склоки, повидимому, производили тягостное впечатление на правдолюбивого и прямодушного поэта. Положение Саят-Новы усугублялось еще и его социальным положением, неравенством с реакционными сиятельными придворными, часто оскорблявшими поэта. Незнатное происхождение Саят-Новы, связанного с народом, так любовно упоминаемым им в песнях, создавало для него во дворце тяжелую обстановку.

Рядом с ненавистью к гнездившемуся среди высшей знати лицемерию и интригам в сердце поэта жила любовь, которая связывала его с одной из высокопоставленных придворных дам.

Именно этой злосчастной любви приписывает предание удаление Саят-Новы из царского дворца и его насильственное пострижение в монахи.

Кропотливые изыскания и, особенно, чтение одного зашифрованного стихотворения Саят-Новы, а также намеки рассыпанные в других его стихотворениях, дали возможность исследователю Саят-Новы—литературоведу Георгу Асатуру основание подтверждать, что возлюбленной Саят-Новы при царском дворе должна была быть сестра царя Ираклия, царевна Анна, имя которой аннаграммой и шифром дает в своих стихах поэт.

Вопреки своему желанию, великий поэт вынужден был оставить дворец, оторваться от любимого искусства и постричься. Уже в 1766 году мы видим его в сане священника.

В составленном на этот период лично для себя сборнике Саят-Нова выписывает из библии ряд отрывков и глав, которые отражают его душевное состояние. Это—отрывки из песни песней Соломона, из книги и притчей, из Экклезиаста и т.д. Если первые из них полны томлений и экстаза любви, то последние проповедуют тщету мирской суеты, мудрость, труд, помощь сирым и убогим, очищение души от скверны мира

После смерти жены, в 1768 году, Саят-Нова решает уйти в находившийся к югу от Тифлиса армянский Ахпатский монастырь и постричься в монахи.

В этом богатом культурном наследии прошлого, возможно, искал забвения Саят-Нова: удаленный с мирской арены деятельности, оторванный от любящей народной массы, он должен был умертвить в себе поэта, певца и музыканта.

Безнадежностью дышат песни Саят-Новы в последний период, пессимизм пропитывает их:

Наш мир—окно, но улиц вид меня гнетет, мне стал не мил.

Кто взглянет—ранен. Язвы жар, что душу жжет, мне стал не мил.

Сегодня хуже чем вчера, зари приход мне стал не мил.

Нельзя резвиться каждый день. Забав черед мне стал не мил.

Были сомнения по вопросу о том продолжал ли писать и творить Саят-Нова и после поступления в монастырь, но ряд фактов приводит к заключению, что именно к этому периоду относятся стихотворения с жалобами на судьбу монаха и воспоминаниями о былой мирской славе.

В летописи „Калмасоба“ царевича Иоанна повествуется о том, что грузинский иподиакон Иона Хелашвили как то раз посетил Ахпатский монастырь и был при-

глашен к одному из монахов. Монахом этим оказался Саят-Нова, который за обедом угошал гостя отборным вином и сам вместе с гостем ел и пил. В разгар кейфа (пира) монах гостеприимец снял со стены висевший на ней чонгури и начал наигрывать и петь песню, в которой жаловался на свою участь монаха.

Уж не рис—ячмень я! Вижу со страхом:
Стал дроздом, взлетая же голубя взмахом.
Для чего, скажи мне, стал я монахом?
Знать от злой судьбины все пошло прахом:

Когда Иона Хелашвили замечает Саяту, что поскольку Саят отрекся от мира, подобало бы ему отказаться и от чонгури и песен, Саят заявляет:

„То же говорил мне и мой игумен. Но я поставил условие, что пока струны на моем сазе целы и не оборвались, я от них не откажусь. Когда меня постригали в иноки, эти струны оказались у меня в кармане, и были освящены со мною вместе, так что я играю на освященных струнах“.

Не молитвами о спасении души и не постом для умерщвления плоти занимался в монастыре Саят-Нова, горько сетовавший на свою долю черноризца. Может быть к этому периоду пребывания в монастыре и нужно отнести ряд иносказаний и басен в стихах Саят-Новы, которых нет в оставленной им в 1765 году тетради и которые впоследствии записаны уже со слов народа. Возможно также, что к этому же монастырскому периоду жизни Саят-Новы относятся некоторые его безрадостные и безнадежные стихотворения без даты. Голос великого певца не заглух в монастырской атмосфере, и он должен был продолжать творить, поскольку по его же собственным словам и „струны были освящены вместе с ним“

Народное предание, записанное со слов стариков-современников Саят-Новы Г. Ахвердяном говорит о том, что порой монах Саят-Нова переодевшись тайком пробирался в Тифлис для того, чтобы вступить в соревнование с приезжими из Персии ашугами или развеселить своих сограждан.

Трагедией овевана кончина Саят-Новы. В 1795 году персидский шах Ага-Махмуд-хан вторгается в Закавказье, и неся истребление и разрушение, подходит к Тифлису. Престарелый певец спешит в Тифлис, беспокоясь за свою семью. Ему удается отправить сыновей на Северный Кавказ, но сам он отказывается искать безопасное убежище вне родного города. Саят-Нове приписывается заявление царю Ираклию: „Я родился здесь, здесь же хочу и умереть в бою против врага!“

У дома Ахпатского епархиального начальника что под цитаделью,—рассказывали современники, неприятель врывается во двор церкви и начинает резать и грабить людей. Саят-Нову настигают в церкви требуют от него отречься от веры, но Саят-Нова предпочитает умереть от меча неприятеля, но не отрекается от веры Таковы вкратце дошедшие до нас биографические данные о Саят-Нове.

* * *

Раздвоение, внутреннее душевное противоречие присущи всему творчеству Саят-Новы. В этом раздвоении и противоречии отражалась вся противоречивая судьба армянского народа в XVIII столетии.

Неизменная печаль и тоска, составляющие лейтмотив его песен, является следствием подневольной, теснимой бесприютной доли армянского народа угнетенного под властью феодалов, рассеянного по всему миру, лишённого и государственности и целостности территории, раздробленного хищными, миродержавными соседними государствами.

Звучащая в его песнях любовь к жизни, стремление к красоте и правде, убежденность в праве человека на свободу и в частности, права на свободу любви, осознание своей собственной творческой силы, все это у Саят-Новы—проявление воли армянского народа к сохранению самобытности и независимости, воли к свободе, бессмертно живущей в его широких массах.

Неотделимо от всего облика Саят-Новы его чувство национальной гордости: В написанном на азербайджанском языке стихотворении поэт горделиво заявляет:

Саят-Нова от них далек.

Он в вере тверд—он армянин.

Но, со всем этим, он далек от идеи национальной исключительности и шовинизма: его внимание привлекало не национальное различие, а социальное неравенство, та губительная классовая иерархия, которая являлась причиной несправедливости жизни.

„Один срывает розу в жизни, и шипы—другой“,—жалуется поэт в одном из своих стихотворений:

Этот принял богатство—а другой только шиш

Этот тянет вино, тот—вдыхает гашиш

Этот сазом бренчит, а тот—цитрой глядит

Этот празднует пир, тот—в печали, тоске.

Связанный происхождением и искусством с третьим сословием „халхом“ (народом), Саят-Нова увидел и почувствовал долю этого „халха“, необходимость быть „нокаром“ (службой) для него.

Он не изменял своей последовательности и бесстрашию ни в царских палатах, ни в кругу народа.

Обращаясь к одному из представителей дворцовой знати, он говорит в своем грузинском стихотворении:

„Злобным быть, как иной, не хочу совсем,

Пышной жизни мирской, не хочу совсем,

Мстить вам речью дурной не хочу совсем,

Честь забыть, хоть порой, не хочу совсем,

Князем быть—смерд простой—не хочу совсем.

Саят-Нова гордится тем, что он простолюдин, он не стремится к княжескому титулу, сознавая, что самое ценное в жизни не знатность, не титул или богатство, а душевное благородство, справедливость, правдивость.

Поэт живет сознанием, что он обязан нести вместе с народом его тяготы, служить ему; его терзают деяния окружающих тунеядцев, лицемеров, глупцов, невежд, наветчиков, и он восклицает:

Кто сердцем благороден, душой высок,

Сорвет, воспрянув гордо, оковы с ног!

Но служение народу, построение моста для народа с тем, чтобы переходящий через него лишь помянул добром строителя—вот то достойное и единственная слава, которой желал бы удостоиться великий поэт,—он не жалеет и жизни для того, чтоб его брат, друг, товарищ помянул его добрым словом после смерти, поставил бы камень над его могилой:

Благославлен строитель, возведший мост!

С ним камень свой прохожий в лад положит

Народу жизнь я отдал, за это мне

Могильную плиту мне брат положит.

Для служения народу у Саят-Новы был один лишь способ—его высокое искусство, его саз команча, его пленительная песня, его поэтическое слово, которое призвано было сказать истину, развеселить или заставить плакать „халх“.

Любовь к человеку, к другу, вот мотив, часто звучащий в поэзии Саят-Новы и замечательным образом связанный каждый раз с требованием истины и справед-

ливости. Именно эти вопросы приводят Саят-Нову к философским размышлениям и заключению, что „суетен мир“, „человек сгорает и уходит как огонь“ и единственным желанием поэта является, чтобы человек в этом мире прошел свой путь не одиноким, т.к. „последний сон закроет ему глаза и у уходящего из этого мира больше ничего не останется“.

Поскольку нет ничего вечного на этом свете и каждому, как капельке воды, суждено влиться рано или поздно в океан, поэт призывает говорить правду, чтобы не устыдиться перед ней.

„Коль скажу правду о виденном,
Перед истиной не устыжусь“.

А правдивое—это слово о том, что есть в мире различие между господами и слугами, что это неравенство не справедливо.

В своей кяманче поэт ценит великую способность „развеселить сердце народа“, ее силу, воспеть за наступающим светлым днем“. И именно эти качества своего искусства он считает достойными хвалы:

Ты всем даешь веселый вид, с тобой опять здоров больно́й.
Чуть сладкий зов твой зазвучит, блажен кто говорит с тобой.
Проси, да скажут: „бог продлит дни нас пленившего игрой.
Доколе жив Саят-Нова, что не узришь ты, кяманча!

Правдивое поэтическое слово поэт считает превыше всех назир-везиров и векилов и подчеркивает, что в конце концов пройдет именно это правдивое слово, а не слово бесчестных, которым не стать благородными, несмотря на все почести оказываемые им в дворцах шахов.

„Я измены другому не замышлял, говорит поэт, чтоб мне погибнуть самому, я другому ямы не рыл, чтоб самому в нее понасть, и если даже будут жечь меня—то для истины смерти пет!..“

Поэзия Саят-Новы наполнена призывом к истине, великой верой в свою песнь. С полным сознанием высокого значения своего дела, поэт с гордостью возглашает.

Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус ручьев моих!
Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!
Не верь: меня легко свалить! Гранитна твердь основ моих!
Так наводнением без конца их тщетно подрывать зачем?

Саят-Нова не может примириться в давящей духовную свободу идеологией окружающей его реакционной дворянской среды, она чужда ему, он чувствует себя пришельцем, странником в этой жизни.

Я чужестранец соловей—кровью плачу
Встретившись с тягостным веком.
Я к богу взываю с горестью,
Встретившись в жизни со злом.

„Тягостному веку“ и „жизненному злу“ поэт противопоставляет высокую истину своего жизненного опыта, то что превыше властителей мира—его ханов и шахов, превыше монастырских псалмов—несокрушимую твердь духа, мир его внутренних душевных переживаний. Возлюбленную, друга, записанное поэтическое слово и искусство, справедливость, истина, честность, пришельца-иноземца, бедняка—вот что заставляет любить Саят-Нова, и этой любовью он считает единственно возможным бороться со злом жизни в тягостный век.

В условиях мрачного средневековья Саят-Нова восстает против феодального

гнета, противопоставляя ему светскую жизнь, любовь, идеи братства, свободы и справедливости, тем самым как бы переключаясь с лучшими представителями современной ему западно-европейской передовой мысли.

* * *

Тончайшим лиризмом овеян в произведениях Саят-Новы образ возлюбленной. Перед обаянием женской красоты в восхищении склоняется певец. Но в его стихотворениях отражается не эротическое, плотское влечение, а рыцарское поклонение предмету любви, тоска по сердечной близости с возлюбленной, восхищение ее совершенством и прелестью.

Никакая сила, никакая власть не может разлучить любящих, ибо любовь—самая нерушимая из уз. В песнях Саят-Новы часто выступает хан, шах или „рагиб“ в качестве разлучников любящих. Поэт вдохновенно поет:

Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти.
На весах пусть блещут лалов горсти, горсти.
Не отдам, не разлучу тебя с другом, милым другом!
Пусть я стану горсткой праха,
Яду я приму без страха,
Пусть придет указ от шаха,—
Не отдам, не разлучу тебя с другом, милым другом.

Против любви бессильна даже смерть—в мире скорби и бедствий одна лишь любовь—опора поэта, лишь возлюбленная для него—„султан и хан“, а отвергнутая любовь подобна смерти.

Для того, чтобы нарисовать образ любимой, поэт обращается к бесчисленному множеству сравнений, к ярким и красочным описаниям и эпитетам. Для восхваления ее он подбирает самые звучные и музыкальные слова, прибегает к непревзойденным аллитерациям и ассонансам. Поэт сравнивает возлюбленную с самым драгоценными камнями, с самыми роскошными тканями Востока, с самыми дорогими украшениями искуснейших мастеров, с прекраснейшими цветами родной природы, самыми изысканными благовониями и пряностями мира, с самыми могущественными властителями вселенной, сказочными ланями, мифическими огненными конями и все же, не находит достойного сравнения.

Иногда любовь Саят-Новы прорывается пылко и бурно, он не в силах уже совладать с нею.

Иногда он с нежностью и восхищением поет хвалу возлюбленной, моля ее о свидании и встрече.

Простыми словами, но в ярких типичных для Востока красочных образах воссоздает Саят-Нова облик возлюбленной и ее окружающее.

* * *

Велико значение Саят-Новы в развитии армянской литературы. В отличие от господствовавшего в армянской литературе и поэзии XIX века грабара, недоступного и малопонятного народу, Саят-Нова писал на разговорном, родном и понятном народу языке. Он сознательно развивал и последовательно проводил в жизнь то, что начато было еще до него Овнатаном Нагашем, Степаносом Даштеци и другими его предшественниками. В этом смысле Саят-Нову можно считать одним из основоположников современной народной поэзии и разговорного языка в литературе, того самого языка, необходимость которого спустя сто лет теоретически обосновал и развил великий пионер новой армянской литературы—Хачатур Абовян.

Отказавшись от системы конечного ударения, принятого в грабаре, Саят-Нова в своих стихотворениях осуществил систему ударений применяемых в народной разговорной речи. В его стихах ударения падают не на последний, а на предпоследний и на третий от конца слога.

Благодаря этой реконструкции ударений и удалось Саят-Нове ввести в армянское стихосложение многообразие стоп и широко использовать ритмические схемы, встречаемые раньше лишь в народных „хагинах“ и „джангюлумах“ и никогда не употреблявшиеся в творениях наших средневековых псалмопевцев и стихотворцев.

Эта народная система живой акцентировки придает песням Саят-Новы необычайную до него в армянской поэзии и поныне непревзойденную звучность и музыкальность.

Саят-Нова был первым армянским поэтом, который ввел в армянскую поэзию последовательную силлаботоническую систему стихосложения.

Редко можно найти что либо равное той пышности и богатству рифм, ассонансов и аллитераций, которые вложил Саят-Нова в свою поэзию. Но поэт никогда не приносит в жертву музыкальности стиха естественного, ударного произношения поэтической строки и не прибегает в какой-либо степени к искусственности. При всей сложности рифмовки он достигает такой предельной и безупречной эмоциональной фразировки в выражении своих мыслей и чувств, что каждое его выражение кажется непосредственно-произнесенным, всякому понятным, находящим отклик в душе у каждого, звучащим искренно и проникновенно-убедительно.

Как эту предельную ясность и непосредственность, так и яркую и конкретную образность Саят-Нова заимствовал из народного творчества и лучших образчиков армянской средневековой поэзии.

Освоив и переработав это великое наследие, Саят-Нова создал совершенно самобытные, по-новому задуманные и оформленные образы, сравнения, метафоры, метонимии, блестящие в его стихотворениях неожиданными и гармоничными сочетаниями и оттенками.

Именно эта тонкость и своеобразие оттенков и оживляет по-новому, вкладывает новое содержание в часто встречавшиеся в средневековой поэзии сравнения с розой, соловьем, ланью и луной.

Роза, соловей и т.п. у Саят-Новы зачастую являются не простыми сравнениями, а перерастают в символы влюбленных: несмотря на это, каждый раз они по-новому конкретны и многообразны.

И каждое из этих стихотворений развивается целостно, в изумительной по тонкости и разнообразию оттенков художественной разработке.

Саят-Нова... „Один из высших мастеров „звукписи“, каких знала мировая поэзия...—пишет лучший его переводчик В. Я. Брюсов.—Содержание стихов Саят-Новы на первый взгляд однообразно, однообразными кажутся и формы его стихотворений. Но какое неисчерпаемое разнообразие сумел вложить поэт в [эту кажущуюся] однотонность! Он почти везде говорит о любви, но как разноцветны оттенки ее в различных стихотворениях, все эти переходы от тихой нежности к пламенной страсти, от отчаяния к восторгу, от сомнения в самом себе к гордому самосознанию художника!

Понистине Саят-Нова можно назвать „поэтом оттенков“. Он в XVIII веке как бы уже исполнил завет, столетием позже данный Верленом.“

Анализируя далее творческие методы Саят-Новы, Брюсов отмечал изысканную форму его стихосложения, чуткую заботливость о звуковой стороне стиха, напевность, чудесную звучность и углубленную певучесть его, тонкую смену оттенков и игру нежнейших красок, называет поэта избранником провидения.

Возродивший дух и мастерство армянской многовековой поэзии великий поэт, замечательный певец и чудесный музыкант Саят-Нова жил и творил под гнетом иноземных властителей, притесняемый и преследуемый ими. Бесценные перлы его поэтического слова затапывались в прах под копытами коней варварских полчищ, за-

ливались потоками невинной крови. Народное горе терзало душу поэта, покрывая скорбным налетом даже самые радостные его песни.

В стихах Саят-Новы отражается не только личная скорбь поэта, но и многострадальная доля его народа.

Поэт видел что живущие бок-о-бок армянский, грузинский и азербайджанский народы в равной мере стонут под игом одного и того же деспотического феодального правопорядка и иноземного владычества. Своими песнями он стремился быть понятным всем этим народам, выражать общие для всех печали и радости. Он пел общее и понятное им всем: о свободе томящегося в оковах феодализма человеческого духа, о праве чувства на свободу, направляя свой протест и проповедь против классовых противоречий феодализма.

Внутренняя интернациональная сущность поэзии Саят-Новы побуждает поэта творить и на армянском и на грузинском и на азербайджанском языках.

И поэт находил отклик в сердцах широчайших народных масс, будил в них трепет радости и скорби.

Этим великий певец высоких чаяний и чувств армянского народа разорвал узы национальной обособленности и еще при жизни стал любимейшим певцом братских народов Закавказья. Он продолжает оставаться их любимцем и по сей день.

Передовое, общечеловеческое содержание поэзии Саят-Новы создало поэту неуязвимую в веках славу. Не под силу оказалось зверским ордам Ага-Махмет-хана заглушить гордый голос поэта, убить великого певца—любимца народов.

Он жил в душе борющегося за свое возрождение армянского народа на протяжении всего XIX века. А после установления советской власти еще шире и дальше раскинулась его слава в армянских народных массах. Его творчество овеянное идеалами человечности любви и справедливости, созвучное освобожденному советскому народу, сделалось достоянием всех народов Советского Союза. Его песни звучат мелодично и пленительно со всех радиостанций советской земли, печатаются на всех языках нашей великой родины, наполняя сердца освобожденных и победивших народов восхищением к пламенному борцу любви и справедливости. И прав был поэт, говоря: „грацитна твердь основ моих“.

Бессмертно творчество Саят-Новы и ему по праву принадлежит одно из почетных мест в пантеоне великих поэтов мировой литературы.

* * *

Спустя пятьдесят лет после трагической гибели Саят-Новы крупный армянский ученый Г. Ахвердян в числе песен прочих ашугов, приобрел и тетрадь с песнями Саят-Новы. Он издал эти песни и тем спас от забвения и потери значительную часть творений Саят-Новы. Спустя тридцать семь лет после находки Ахвердяна академик Н. Марр обнаружил в 1889 г. в Петербурге, в отделе грузинских рукописей Азиатского Музея Академии Наук, тетрадь с грузинскими песнями Саят-Новы. С этой же тетрадью стихов знакомится в 1892 году знаток Саят-Новы Г. Асатур, переложивший часть этих грузинских песен на армянский язык и издавший их перевод в 1903 году. В 1918 году выдающийся грузинский поэт И. Гришашвили издал специальную монографию с грузинскими песнями, посвященную их разбору и изучению.

Значительную работу по изучению и популяризации жизни и творчества Саят-Новы проделали заслуженный деятель искусств Г. Левонян, член-корреспондент Академии Наук Армянской ССР—Меликсетбеков, действительный член Академии Наук Грузинской ССР поэт Г. Леонидзе, профессор А. Барамидзе, кандидат филологических наук С. Арутюнян и др. Особо следует отметить плодотворную работу, проделанную кандидатом филологических наук М. Асратяном по расшифровке и переводу азербайджанских песен Саят-Новы, благодаря чему оказалось возможным составление данного сборника, в котором впервые опубликовываются вместе как армянские, так и азербайджанские стихи великого поэта.

Из всех людьми хваленых лир полней звучишь ты, каманча*!
Кто низок, не иди на пир: пред ним молчишь ты, каманча!
Но к высшему стремись: весь мир, всех покоришь ты, каманча!
Тебя не уступлю я: мне принадлежишь ты, каманча!

Ушко—серебряное будь, сверкай на голове—алмаз;
Рука—слоновой кости будь, на чреве—перламутр, что глаз;
Струна—из злата свита будь, резьбой пленяй, железо, нас;
Ты—бриллиант и лал*! И суд—всех посрамишь ты, каманча;

Смычок быть должен золочен, чтоб пышно он блистал, звеня;
Певучий волос—быть сплетен из косм крылатого коня.
Тем, как бальзам, даришь ты сон, тех ты бодришь всю ночь
до дня:
Ты—золотой сосуд с вином и всех пьянишь ты, каманча.

В ашуге две души с тобой: ему и чай и кофе есть,
Когда он утомлен игрой, на полке ты находишь честь,
Когда ж поет, вновь пир горой, ты—празднеств и гуляний
весть!
Собрав красавиц вокруг себя, их всех манишь ты, каманча!

Ты всем даешь веселый вид, с тобой опять здоров больно́й;
Чуть сладкий зов твой зазвучит, блажен, кто говорит с тобой
Проси, да скажут: «Бог продлит дни нас пленявшего игрой!»
Доколе жив Саят-Нова, что не узришь ты, каманча!

1759 г.

Рисунок лучших мастеров— в малейшей части у тебя.
Преместна родинка. Не прядь— силоч для страсти у тебя
Ты— роза, ты— и соловей, обоих сласть и у тебя.
И— проба золота— уста, душистей масти у тебя.

Лицо круглее что ни день— подобье молодой луны.
Без влаги вьются волоса, не скручены, не сплетены,
И все, кто раз увидит их, с прямой дороги сведены.
В меджлис* войдешь ли,— шорох, шум,—и все во власти у
тебя.

Приходят лик твой увидать за городами города.
Спасенье тем, кто чует смерть, в твоём бальзаме навсегда.
Как пери, с места привстаешь, скользишь стопами без следа.
Что каманча, когда звончей громки запястий у тебя?

Фиалок, лилий, роз цветник у нежной на груди возрос.
Что твоему владыке сад, когда ты вся—дыханье роз?
Гуляет ветер меж цветов, он полнит парус из волос.
Мир— море, ты на нем— корабль, трепещут снасти у тебя.

Кто мог бы восхвалить тебя,— ни одного не назову.
По глади моря голубой плывешь фиалкой наяву.
Нет сил бороться мне. Волна пусть унесет Саят-Нову!
Кто зрел тебя, с ума сойдет: для всех напасти у тебя.

1759 г. март.

Как соловей, томилась ты.
Как роза, распустилась ты.
Водой из роз омылась ты,
Омылась ты.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Твоя краса лютей бича,
Ах, тоньше волос твой—луча;
К лицу—с павлинами парча,
К лицу парча.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Ты светишь солнцем и луной.
Я по тебе томлюсь тоской.
Ты носишь пояс золотой,
Ах, золотой!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Парча румянцем зацвела.
С бюльбюлем* слезы ты лила.
На щечке родинка мила,
Ах, как мила!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

О мне заплачет и скала.
Какие ты творишь дела!
Саят-Нову с ума свела,
Сума свела.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

1752 г.

Красива очень шахатан*,—певца не опорочишь ты.
Ты еле разжигаешь страсть, напрасно сердце точишь ты.

У страсти пламя таково: не догорит и не пройдет.
Бросаться в море проку нет,—пускай, прохлады хочешь ты!

Так как же молнию, скажи, ашугу выносить твою?
Ты самодержец, назначай и цену, стало быть, твою.

Когда с горой столкнешься в лоб, она растает, как свеча,
А в городе, там знают все к уничтоженью прыть твою.

Кто шахатан не пел, у тех не торговаться все права,
Поэтому не очень льсти, не кланяйся, Саят-Нова.

Не плачь, о джан, пусть разум твой ни в чем плохого не узрит.
Пусть взор ничей, что так судьба твоя сурова не узрит.

Пусть луч зари, пусть лунный свет над миром вовсе не горит!
Пусть друг умрет, да лишь твой лоб он без покрова не узрит.

В потоке слез исходишь ты— в печали смерть и мне грозит.
Пусть после нас подлунный мир воды и крова не узрит.

Коль я к тебе не загляну,—снесу не мало я обид.
Но не приду, пусть взор тоски и зла такого не узрит.

Пусть утешением тебя небесный голос одарит.
Пусть скорбь твою Саят-Нова, на смерть готовый, не узрит.

Склони свой слух, баритавур*
Но с яр моей играть не смей,
Ей сердце поражать не смей,
В ней пламя раздувать не смей,
С весельем спет
На тридцать лет,
Ее ты обижать не смей.

Обидеть бойся пустяком,
Чтоб не ушла от нас тайком.
Со мной играешь ты глазком.
Я— сушь ветвей
В жару страстей,—
Султан и хан мне нипочем!

Как хан, свой суд свершаешь ты,
Как царский сын, считаешь ты.
Скажи, что затеваешь ты?
То вязь тенет.
Твой рот—что мед.
Мне душу речью маешь ты.

Остался только вид меня.
Любовь к тебе язвит меня.
Гранат твой исцелит меня,—
Гранат грудей
И сласть речей;
Дыханье уст палит меня.

Уста твои, что лал, краса.
Наряд твой злато-ал, краса.
Я мысль твою узнал, краса?
Прельстить, увлечь?—напасть моя!

Прельщать ты вправе, яр, сполна .
В тебе земной весь шар сполна.
Ты с Инда каламкар* сполна,
Насурмлена,—
А я без сна,
Томишь, колдунья, плоть мою.
Кругом, колдунья, сеешь зло.
Ты—как ширазское* стекло,—
Узор искусство навело.
Ты— блеск зеркал,
Алмаз и лал.
Меня лукавство извело.

Лукавства не таишь свои
Ты волосы кропишь свои.
Права осуществишь свои?
Китай дарит
Грудей нефрит,—
Ты перси веселишь свои.

Ты весела и горяча.
Обильны косы вдоль плеча,
Наряд твой—золото, парча.
Как нить сучить,
Так слезы лить
Всем, кто увидит палача.

Ты нежный розовый цветок,
Ты бывший в море оселок,
Ты каманча, сантур*, гремок,
Хигро поешь, напасть моя.

Ты всех пленишь, когда идешь.
Ты, как в саду вода, идешь.
Фиалкой без следа идешь.
Все петь готов,
Хоть нет уж слов!
Ты роза, всем всегда идешь.

Поешь ты соловья нежней,
Сунбула* плоть твоя нежней.
Ты, нам вино лия, нежней,
Чем наш букет,
Рехана* цвет,
Ты розы, яр моя, нежней.

Ты роза в холодке ветвей,
Ты не увянешь от лучей,
Ты царь, приветней всех царей.
 Приветом глаз
 Ответь—не раз,
Не в месяц раз,—по счету дней!

День каждый возрастаешь ты.
Все больше страсти знаешь ты,
Нить горя распускаешь ты.
 Ты врач,—так вот:
 Взгляни, где жжет.
Мой разум изгоняешь ты.

Я поражен, я пьян, мой свет.
Я вижу тонкий стан, мой свет.
Меня страшит обман, мой свет,—
Ну, что ж, губи, напасть моя!

Я не люблю неверной яр.
Ты—лал цены безмерной, яр.
Ты в клятве будь примерной, яр.
 На клятве стой—
 Пусть жизнь ценой.
Исчезнет сон мой скверный, яр.

Мне страх и плач, напасть моя!
Иных надежд не знаю я,—
Лужок зеленый—грудь твоя.
 Скажу: лужок,
 Я стал далек,—
На сердце клятву затая.

Для верных лишь наградам быть.
Как день один не рядом быть?
Пора в узде усладам быть.
 Узду навлечь,
 А сердце сжечь,
И вечно юным, кладом быть.

Ты—клад любви, желаний мир,
Бесценной ценности кумир.
Ты—лал и славный джаваир*.
 Воспеть спешу,
 Пока дышу,—
Затем, что мимолетен мир.

Коль ты честна, оставь меня.
Зовешь ты братом въявь меня.
Согласен я,—расплавь меня,
Раз молишь ты, напасть моя.

Вот я пришел с мольбой, джанум*.
День—пополам с тобой, джанум.
Вот в страсти я какой, джанум.
 Джанум, о джан*,
 Краса всех стран,
Мир, знание, опыт мой, джанум!

Учись, пытайся, познавай!
Хлеб-солью не пренебрегай.
Лишь верно клятву соблюдай,—
 Мудра в ней суть,
 Ей верен будь.
Когда умру я, зарыдай.

Вот ты глаза багришь свои,
Ты всем цветы даришь свои,
Рекой ты слезы мчишь свои.
 Ты—ток реки,
 Полна тоски,—
Решенья, шах, твори ж свои!

Зарубит шаха ягаган,
И перевязки нет для ран.
Боюсь, умолкнешь завтра, джан.
 Мне быть в слезах,
 В слезах, мой шах,—
Баритавур мне в скорби дан.

Ты песней стал, Саят-Нова.
Ты раной стал, Саят-Нова,
Ты садом стал, Саят-Нова,
Ковром царей,—напасть моя!

Ты—узоры парчи, ты как золото ткани, о джан!
Каламкар ты, что с Инда везли в караване, о джан!
Вожделенный алмаз, чьи бесчислены грани, о джан!
Многоводных глубин жемчужные дани, о джан!

Выйдешь в сад,—и волну вижу в плавности шага, о джан!
Скрой ты родинки щек, да не тронет их влага, о джан!
Удивляются все лику, полному блага, о джан!
Ты, украсивший мир, новый плод в гюлистане*, о джан!

Милосердною будь, пребывая со мною в ладу.
Джан милей не найду, пусть я многие земли пройду.
Ни в индийских краях, ни на персидских коврах не найду.
Ты иной соткана для людских любований, о джан!

Славословий моих только слон мог бы книгу нести.
Мысли горькие ты от себя отгони, не грусти.
Тонок стан твой, как нить, что могли бы сквозь жемчуг вести
В зной грустим о тебе, как о темном платане, о джан!

От тебя я уйду, лишь когда минет срок моих дней.
Осени, как умру, ты меня покрывалом кудрей.
На Саят-Нову, джан, ты сложи груз печали своей.
Ты не схожа ни с кем, ты одна меж созданий о джан!

Я—на чужбине соловей, а клетка золотая—ты!
Пройдешь, как по ковру царей*, лицо мне попирая, ты!
Твои ланиты—роз алей, как образ дивный рая—ты!
Как шаха, я тебя молю; молчишь, не отвечая, ты!

О милая! вошла ты в сад и взорами цветы палишь:
Твои глаза огонь струят, ты силой красоты палишь,
А я своим мученьям рад: сгораю я, а ты палишь...
Никто так стройно не ступал, как ходишь, всех сжигая, ты!

Причти меня к своим рабам! что я твой раб, не скрою я!
Поставь меня к своим вратам: страдать в темнице стою я!
Я жив иль мертв, не знаю сам, но болен лишь тобою я!
Как море, как Араз*, мечусь: причина—дорогая, ты!

Ты, с пятнышком* лица, мила; кто видел, тот пленен тобой!
Хотя ты мной пренебрегла, но суд произнесен тобой.
Ты отвернулась, отошла, не выслушан мой стон тобой,
Хотя жизнь можешь даровать, как царь повелевая, ты.

Саят-Нова сказал в слезах: «Я слез не лью, пока могу,
Но буду выносить я страх и скорбь свою, пока могу.
Хочу быть славным на пирах, тебя пою, пока могу...
Когда б со мной, саз* золотой, вошла на пир, сверкая, ты!»

Откуда ты? (Я соловью).
Не плачь! не плачь! я слезы лью,
Ты розу ждешь, я—милую..
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Пой, соловей, песнь соловья!
Счастливой будь тропа твоя!
Тебе—цветок, мне—милая..
Но ты не плачь! я слезы лью.

В душе моей—тоска по ней,
Как острый шип в груди твоей.
Цветок иль яр? что сладостней?
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Как кипарис, один стою.
Пой, соловей! и я пою.
Ты розу ждешь, я—милую..
Но ты не плачь! я слезы лью.

Певец! мила мне песнь твоя!
Пылаем мы, и ты и я..
Саят сказал: «О милая!
Не плачь! не плачь! я слезы лью».

Твой силен ум: таким рожден,—себя глупцу равнять зачем?
Меня за свой вчерашний сон презрительно считать зачем?
Я издавна горю, сожжен! опять меня сжигать зачем?
Устала ты, поверю я, меня же обвинять зачем?

Привет!—ведь ты сильна, как тот Ростом*, сын Зала!—
дочь царя*!
Старинный твой прославлен род, красы зеркало, дочь царя!
Коль грешен я, пусть меч не ждет меня нимало, дочь царя!
Но господу побойся ты: напрасно враждовать зачем?

Кто ранен, позовет врача: не повредит, поможет он;
Раба ругают сгоряча, судиться все ж не может он.
Кто сердцем светел, как свеча, молву людей отложит он.
Я богом истинным клянусь: меня нещадно гнать зачем?

Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус ручьев моих!
Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!
Не верь: меня легко свалить! гранитна твердь основ моих!
Так наводнением без конца их тщетно подрывать зачем?

Бьет ветер морской, песок гоня: песка не меньше будет все ж!
Живу, не станет ли меня,—толпу напев разбудит все ж!
Уйду, но в мире с того дня и волос не убудет все ж!
В Абаш*, к арабам, к индам прах Саят-Новы ссылать зачем?

1753 г.

С бесценным камнем джаваир своей красою сходна ты.
Ты всех в Меджнунов обратишь, сама с Лейлою сходна ты.

Моя на целом свете ты,
Нет у жестокой доброты.
Набатом* губы залиты.
Как сахар, вся собою ты.

Тут нужен мастер, нужен саз,
Чтобы вспеть зубов алмаз.
Твоя цвет лица—пранги атлас,
И вся с парчою сходна ты.

Рехана волос твой нежней.
Ты о другом вздыхать не смей.
О, не терзай души моей,—
Иль с девою злою сходна ты?

Беда для горькой головы.
Струится кровь из глаз, увы!
Увы, судьба Саят-Новы,
Теперь с рабою сходна ты.

Нынче милую мою видел я в саду;
След подковки золотой освятил гряду;
Словно розу соловей, я воспел звезду,
Взор затмился мой слезой, разум был в бреду.
Ах, пусть враг мой попадет, как и я, в беду!

Яр* моя! твой нежный вид душу тайно жжет,
Образ твой—шербет любви, губы—сладкий мед,
Словом, взглядом многих ты мучишь в свой черед
Что ж, убей, но не скажи, что и я—не тот!
Пусть умру, вверяю жизнь твоему суду.

Пряди кос твоих весь год туго сплетены,
Мед в устах, могли б им быть груди смочены,
Расцветает алый рот между роз весны...
Но садовника* глаза влагою полны:
Посмотри, как соловей, я пою и жду.

Ты прекраснее сто крат, чем и твой портрет;
Если в комнату войдешь, тьмы без лампы нет:
Как вином мускатным дом, дух тобой согрет;
И в садах перед тобой блекнет каждый цвет;
Ветер льнет к тебе, вокруг воздух как в меду!

Знай: другой не воспую, ты доколь жива!
Выслушай, матах* тебе: искренни слова!
Хлеб и соль не забывай, волю божества!
От любви к тебе в тюрьме я, Саят-Нова!
Я теряю разум, я вовсе пропаду!

Так жить хочу, чтоб каждым днем обязан был я лишь себе.
Чтоб сотней бед, входящих в дом, обязан был я лишь себе.
Чтоб всем сказать: своим добром обязан был я лишь себе.
Бегу от зла, познав, что злом обязан был я лишь себе.
Я скромным стал; своим стыдом обязан был я лишь себе.

Из дальних стран,—безумец я!—для всех свой клад сюда принес.
Рубинов рой—пусть ювелир свой косит взгляд—сюда принес.
Товар индийский, что милей нам всех услад, сюда принес.
С каких станков, каких шелков, какой наряд сюда принес!
Торгую сам, в труде своем обязан был я лишь себе.

Один мой тюк из прангских стран; атлас горит в нем, как пожар.
Другой мой воз,—бесценный в нем, как бы пергамент, каламкар.
Еще мой воз,—да весь Китай куплю за этот я товар!
Тут—блеск парчи, халаты там. Для женских плеч все это дар.
Я все скроил, и вот во всем обязан был я лишь себе.

Индиго—здесь, а пурпур—там; сюда глядите—тут шафран.
Корицы воз, гвоздики воз,—добыча все далеких стран.
Не мог стянуть края тюков: чрезмерный груз тюкам был дан.
Со дна морей камня есть,—их мой привез вам караван.
Жемчужин набранным зерном, обязан был я лишь себе.

Прослыша то, промолвит люд: «Саят-Нова-то наш—богач».
Забыв, что мне милей лады, что мне не надо к ним придач,
Что песен звук ценней всего, что мне ценней он всех удач,
Что держит смерть затылок мой, об этом лишь мой горький плач.
Спаси, чтоб, песней теша яр, обязан был я лишь себе!

Ты, безумное сердце! мне внемли:
Скромность возлюби, совесть возлюби.
Мир на что тебе? Бога возлюби,
Душу возлюби, деву возлюби!

Божий глас внемли и твори добро,
В житиях святых слово—серебро:
Святых целей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетут!
Знай, что хлеб и соль люди чести чтут,
Но не будь смешным: возлюби свой труд,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

Там, где господин, будь не горд, но тих;
Скромным будь всегда у господ своих:
Но у всех—душа: возлюби чужих,
Бедных возлюби, гостя возлюби.

Так, Саят-Нова, мудрость жить велит.
Что нам эта жизнь? Страшный суд грозит!
Душу берегай: возлюби и скит,
Келью возлюби, камни возлюби!

1753 1 мая.

Ты—как сирена, что губит плывущих.
Мне на погибель дана, дорогая.
К северу, к югу, к востоку, к закату
Так ни одна не стройна, дорогая.

Дьяволу служит тобою плененный.
Будь хоть однажды ко мне благосклонной.
Пусть веселят нас за чашей бессонной
Бубен сантур и зурна*, дорогая.

Сердцем сказать мои беды я жажду,
Плачем излить мои бреды я жажду,
Вечной с тобою беседы я жажду,
Шуток, хмельнее вина, дорогая.

Скромен твой облик, и речи приятны,
В пальцах твоих сусамбар* ароматный.
Жизнь отдаю тебе в дар безвозвратный,
Будь мне навеки верна, дорогая.

Скажет Саят:—Я не ведаю страха.
Хан, ради милой отраднa и плаха,
Лишь бы на прах мой могильного праха
Бросила горстью она, дорогая.

Страсть— огонь горящий— приходя, пылает!
Знак призывный— скажут— яру дан: иду.
Боли той не знавший пусть не испытает,
Полубив, не скажет снова: «Джан*, иду».

Многим от рожденья въелась в сердце рана:
Редких не любивших поздно или рано
Страсть страдать понудит— силой, невозбранна:
Извелся, истаял,— где там «Джан, иду»!

Тысячу обличий страсть принять умеет,
Ум, живые мысли усыплять умеет,
Чуть поймала, когти показать умеет;
Так— то отступаю, то, как пьян, иду.

Если ты о страсти прихотливой спросишь:
«Ростом-Зал достался ль ей поживой?»— спросишь,
Или как живется яр игривой спросишь.—
Скажет: «Как султан я и как хан иду».

У Саят-Новы ли сил взяла ты мало?
Кто ж, неблагодарна, верности не знала
И меня не любит,— к той любовь пропала:
К любящей— любовью осиян, приду.

Отраден голос твой, и речь приятна.
Бог—светоч твой в земном просторе, прелесть.
Ты станом—лань, ты—белый сахар цветом,
Ты—золото в цветном узоре, прелесть.

Скажу—ты шелк, но ткань года погубят;
Скажу—ты тополь,—тополь люди срубят;
Скажу—ты лань,—про лань все песни трубят.
Как петь? Слова со мной / в раздоре, прелесть.

Скажу—цветок,—гора взрастила, скажут;
Скажу—алмаз,—земная жила, скажут;
Скажу—луна,—ночей светило, скажут.
Ты солнца свет таишь во взоре, прелесть.

Мой храм молитв—твои дверные плиты.
Твои глаза—как розы цвет раскрытый,
Язык—звучней пера, как снег—ланиты,
Ты дивный перл, возникший в море, прелесть.

Зерно любви ты в сердце мне вложила,
Томясь тобой, душа во мне изныла,
Ты своего Саят-Нову убила.
Не ведай слез, пусть мне все горе, прелесть.

Мне люди скажут: я по красе томлюсь.
Меджнун* с Лейлой* отраднее жизнь вели.
Тебе всечасно люди глядят в уста.
Всегда, как притчи, речи твои текли.

Язык твой—сахар или медовый сот.
Твой волос—нить рехана, что к розе льнет.
Побудь со мной, как день Цахказард* придет,
Парчой золото-алой мне взор спали!

О, как-нибудь сгубите меня, прошу!
Вот я—мишень, пронзите меня, прошу!
Камнями поразите меня, прошу!
Забыл, тебе внимая, как дни прошли.

Я сам себя такую тоской убью,
Из глаз я слезы с кровью всечасно лью,
За днями дни питаю тоску свою,
Как соловей над розой, томясь вдали.

Безумен я. Колдуньи надменной нет.
Той, что не может быть неизменной, нет.
Саят-Нова сказал: драгоценной нет.
Я, проливая слезы, бреду в пыли.

Что без тебя сойбат* мне и что мне саз?
Гремжи из рук роняю—раз, два,—подряд.
Смутила так ты мысли мои, мой ум,
Что все забуду песен слова подряд.

Бинтом одним ли помощь двум ранам дам?
Один слуга годится ль двум господам?
Один садовник в пользу ли двум садам?
Ведь ждудт прививки все дерева подряд.

Старинных мастеров изречение вот:
«Насеял роз—а их недостойный рвет».
Тружусь, а все веселье—чужим пойдет.
Увы, рахипу*—дни торжества подряд.

Что без тебя мне счастье, земной удел?
Не знать коварства, подлых не ведать дел.
Надел я власяницу, я шерсть надел,
Пойду в места святыя сперва подряд.

Быть может, добрый кто-нибудь даст совет,
Меня от страсти освободит, мой свет.
И у семи мудрецов слов лучших нет,
Чем у тебя здесь, Саят-Нова,—подряд.

Твой волос—смоченный рехан, иль шелка нить, или струна.
Обводит золото черты, а бровь пером проведена.
В устах—и жемчуг и рубин. Твоя завидна белизна.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

.
На полюбившего сильней пусть упадут напасти все.
Уже два года протекли, как я тоскую о красе.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель суждена.
О прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Увяла роза, соловей не прилетает больше в сад.
Я ранен в сердце, я спален, нет больше для меня усад.
От *страсти занедужил я, лежу*, и жизни сам не рад.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Я в горы, как Меджнун, ушел, но от Лейлы ни слова нет.
Горю, но жажду утолить напитка ледяного нет.
Клянусь, одна ты яр моя, и друга мне иного нет.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

Саят-Нова сказал: залум*! Кровь вытекает со слезой,
Адама нечестивый сын, вовек проклятье над тобой!
Где твой обет на тридцать лет? Обет ты нарушаешь свой.
Пусть я умру, будь ты жива. Мне страсть на гибель суждена.
О, прекрати свою игру, меня насмерть убьет она!

1754 Март

Друг, ты попал в сети любви,—песенный дар я для тебя.
Кольких репьев не собирай,—мак, сусамбар я для тебя.
Спрячу тебя в тень от жары, пышный чинар я для тебя.
Смерти твоей я не хочу, персик, шакар я для тебя.

К розе чужой ты не стремись,—розы своей не обездоль,
Изредка к нам в сад загляни, дружбу храня, помня хлеб-соль.
Мир обойдя, ты не найдешь розы такой, ласковой столь
Лишь бы другой не полюбил, верная яр я для тебя.

Лучше-бы я не родилась, горе весне, сблизившей нас.
О, соловей, не говори: краток цветка розовый час,
И в Индбстан не улетай, что тебе ткань, бархат, атлас?
Все чего ждешь, здесь ты найдешь,—шелка пожар я для тебя.

Богом клянусь: нежный мой цвет рад для тебя жертвою стать.
Будем с тобой весело жить, нам с соловьем грусть не подстать.
Пусть говорят все, что хотят, стану тебе я угождать.
Хочешь создам вечную жизнь силою чар я для тебя.

Старит беда, стала и я старше от мук, Саят-Нова,
Чашу любви не отдавай в руки из рук, Саят-Нова,
Я привозной редкий атлас, верный мой друг, Саят-Нова,
Песенник свой в ящике скрой,—сладостный тар я для тебя.

1754 1 апреля

Я в жизни вздоха не издам, доколе, джан*, ты для меня!
Исполненный, живой водой, золотой пинджан* ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень, в пустыне—стан ты для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!

Ты вся—чинарный кипарис: твоё лицо—пранги атлас*;
Язык твой—сахар, мед—уста, а зубы—жемчуг и алмаз;
Твой взор—эмалевый сосуд, где жемчуг, изумруд, топаз.
Ты—бриллиант! бесценный лал* индийских стран ты для меня!

Как мне печаль перенести? иль сердце стало, как утес?
Ах! я рассудок потерял! в кровь обратились токи слез!
Ты—новый сад, и в том саду, за тыном из роскошных роз,
Позволь мне над тобой порхать: краса полян ты для меня!

Любовью опьянен, не сплю, но сердце спит, тобой полно:
Всем миром пусть пресыщен мир, но алчет лишь тебя оно!
С чем, милая, сравню тебя? Все, все исчерпано давно.
Конь—Раш* из огненных зыбей, степная лань ты для меня!

Поговори со мной хоть миг, будь—милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты солнцу—щит средь синевы!
Ты—лилия долин и ты—цветок багряный средь травы:
Гвоздика, роза, сусамбар* и майоран ты для меня!

Лишь знать, как много лет тебе!—с тобою твой гуслир блажен.
Не хочет есть, не хочет пить,—с тобою сидя, яр блажен.
Алеешь розой, вокруг тебя обвиншись, сусамбар блажен.
В слезах бюльбюль и день и ночь. Твоих шипов удар блажен.

Ты благовоньем наполнишь мир. В индийских взросшая лесах.
Так не могла б благоухать гвоздика у тебя в устах.
Ты в украшеньях день и ночь, и держишь ты цветок в руках,
К губам подносишь. Глаз твоих под скромной бровью жар блажен.

Сколь многим смерть через тебя! Они томятся всякий час.
Вздыхает, кто не зрел тебя,—вздохнет, узрев, сто тысяч раз.
В тебя родится сын—готов пеленок золотых запас.
Иль мать вторично дочь родит—в тебя. Подобный дар блажен.

Один портрет твой в Арабстан, другой же в Индостан попал,
Один портрет твой в Крым попал, другой же в Дагестан попал,
Один портрет твой в Рим попал, другой же в Прангистан* попал.
Тебя увидя, скажет всяк: твой образ, полный чар, блажен!

Давай, садись, Саят-Нова, и молви сладостно свой сказ.
Не предавайся звукам весь, в томленьи дум откинь свой саз.
Хрусталь в руках твоих. Налей! Две чаши выпьем мы зараз.
Тобой на диво принят гость. С тобою сазандар* блажен.

1755 г.

Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач,
Дай иного, иного лекарства мне!
Жжешь, не лечишь ты рану, горит—хоть плачь.
Дай иного, иного лекарства мне!

А она: не тревожь, уходи скорей,
На другой, на другой ищи стороне!
Не бывает добра от таких затей,
На другой, на другой ищи стороне.
На другой, увы, стороне.

Говорю ей: покоя не знаю я,
Стал бездельником, прочь бегу из жилья,
Тело чахнет, сгорает душа моя,
Дай иного, иного лекарства мне!

Отвечает: тебя мне не исцелить,
Сам ты горе свое научись избыть,
А не то оборвешь краткой жизни нить.
На другой, на другой ищи стороне.

Соловей я, а розу сожрет червяк,
Ты вложила мне в рану палючий знак,
Ах и в книгах и в песнях грустят не так,
Дай иного, иного лекарства мне.

Говорит: благо ты превратил во вред,
Ни боязни, ни совести, видно, нет,
Не гаси своей жизни неяркий свет,—
На другой, на другой ищи стороне.

Я сказал: Золотишь ты волосы хной,
Поглядел как-то раз я в тиши ночной,
Стал мне смертью любви ненасытный зной—
Дай иного, иного лекарства мне.

— Пусть я царской короны аквамарин,
Пусть ты любишь меня, как Фархад—Ширин,
Пусть всегда мной любим был, лишь ты один—
На другой, на другой ищи стороне.

Ах, не спорь, не кружи моей головы,
Захлестнуло мой челн волной синевы,
Коль умру—нет второго Саят-Новы,
Дай иного, иного лекарства мне.
Дай, увы, иного лекарства мне.

1756 г. 3 сентября

Меджнун я, тоской палимый,
Лейли! Недуг исцели мой!
В печали неутолимой
Я плачу кровью, сгорая, сгорая.

Ночным соловьем рыдал я,
Ронял не слезы, а лал я.
В горячке, в бреду пылал я,
Пав к изголовью, сгорая, сгорая.

Безбожником стал я ныне,
В любовной истлел пустыне.
—Безжалостна ты, в гордыне,—
Взываю вновь я, сгорая, сгорая.

Кричу, помогите други,
Грудь—сад, а брови, что дуги,
Нет краше во всей округе,
Любуюсь бровью, сгорая, сгорая.

Фиалка, цветок мимозы,
Дыханье карминной розы,
Утишь Саят-Новы слезы,—
Горю любовью, сгорая, сгорая.

1757 г.

От любви, как Меджнун, горю,
Думой вслед за Лейли парю,
Ты не засти, гора, зарю,
Прочь, гора, уйди, говорю, отсюда, отсюда!

За самшит милых рук и плеч
Пусть войдет в мое сердце меч,
Рад к порогу любимой лечь
Хоть на камень. Ты слышишь речь отсюда,
отсюда?

Стан твой в шелк и атлас одет,
Держишь чашу, а в ней шербет.
От любовных томлюсь бесед.
Дай лекарства! Услышь, мой свет, отсюда,
отсюда.

Сад люблю—садовник не я,
Знаю кто хозяин жилья,
Песнь моя—призыв соловья.
Уходи, колючка репья, отсюда, отсюда.

Саз—пиров упоенье—ты,
Монастырское пенье—ты.
Плод—садов украшение—ты.
Слышишь— Саят-Новы мечты отсюда, отсюда?

1757 5 апреля

Жив доколь я, джан,—милой в жертву дан. Как избыть
дурман?
Слез я лью фонтан, пусть умру от ран,—ты лишь здравствуй,
джан!
Молвишь: «Я—джейран!*»—и, любовью пьян, вижу стройный
стан.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

Косы миллой—мед, что фисташка—рот, все любви игра!
Близко от ворот до озерных вод,—рог трубит с утра.
Роза к ветке льнет, соловей поет,—всем гулять пора.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

Свой оставим дом и уйдем вдвоем! В ветках капли рос.
В рифму запоем! С ярым лепестком мак цветы вознес,
А в саду немом—роза с соловьем; лилии—меж роз,
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

Сроду ты была, милая, мила, словно та Лейла!
Я сожжен дотла!—прядь волос легла, где шипов игла.
Роза зацвела, и в дремоту мгла соловья ввела.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

На тебе богат дорогой наряд, шелк, парча горят.
Кубок твой подъят, лей вино услад!—жертвы не шадят.
Только выйди в сад! Режь,—Саят-Нова будет только рад.
Выйди в сад со мной! Жду тебя с хвалой, сазом и мольбой.

1757 г. 2 мая.

Чужбина—мука соловья: год—сада он родного ждет!
Чтоб подала рука твоя вина мне, сердце снова ждет!
С другими ты, и мучусь я: так раб царя земного ждет!
Созрел грудей твоих шамам*,—сосуда золотого ждет!

Слова бессильны пред тобой! как алый лик твой описать?
Как бровь изобразить сурьмой? и золота тут мало взять!
И только стан прекрасный твой овалу плеч твоих подетать!
А золото твоих волос давно луча дневного ждет!

Ты с детства слышишь голос хвал: но славить красоту я рад.
Ковчег*—твоих грудей овал, чтоб ставить амбру и мускат.
Не может, кто тебя встречал, представить лучший миг услад!
Рука—самшит*, а пальцы—воск: хрустальных спиц он снова
ждет.

Нет, я не полюблю другой! сдается: ты мне суждена!
Лишь я неделю не с тобой, как рвется каманчи* струна!
Сам царь иль врач Лохман* со мной, а мне поется: «где она?»
Им раны не понять моей: она клинка стального ждет.

Красавица! в тоске души, один брожу, сожжен тобой!
Красавица! о не спеши! дай погляжу, пленен тобой!
Красавица! мир чей, реши: сужу, что отнят он—тобой!
Доколе жив Саят-Нова, тебе ль певца иного ждать!

1758 г.

Внемли: проникнуты слова мои мольбой, о свет очей.
Привет мой взору твоему. Живу с тоской, о свет очей!
Ты отвернулась, но я чист перед тобой, о свет очей!
Весь мир насыщен, я один томлюсь алчбой, о свет очей!

Иль раньше не любил никто? Какая на меня напасть?
От чар твоих я без ума, меня испепеляет страсть.
Всех да минует мой удел, его не вынести и часть!
Как перепел, я опален твоей красотой, о свет очей!

Друзьями ль объявлю врагов, когда врагом стал каждый друг?
Не вижу, как проходит день, наполнить нечем мне досуг!..
Господь свидетель,—тяжко мне, и вон все валится из рук.
Ты море чар, а я, как челн, в пучине той, о свет очей!

Густа раскрою, но они как описать тебя могли б?
Уже я десять лет брожу, как падишахов тот шахиб*,
Семь лет я с сазом проброжу, как некогда бродил Кариб*.
Ты мой кумир, ты Шахсанам*, и нет другой, о свет очей!

Будь у меня сто тысяч бед, не дрогнет сердце им в ответ.
Ты—повелительница, ты, и мне иного шаха—нет,
Саят-Нова сказал: «Увы, не страшно мне покинуть свет,
Но ты,—ты, косы распутив, плачь надо мной, о свет очей!»

1758 г.

Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце? жжет она!
Болезнь—любовь и этот раз, лекарство в свой черед—она!
Я слег, но взор мой каждый час опять к себе влечет—она!
Мне надо умереть, ко мне—ах!—лишь тогда придет она!

Весна настала, и манят зазеленевшие края;
Фиалковые горы в сад давно послали соловья.
Нельзя ли ночью не звучат. Чинара, это мечь твоя?
Пусть ищет роза соловья: его—ах!—не найдет она!

Мак, ярко красный, дал совет: «Скиталец-соловей влюблен,
И, верно, вспомнит про букет, что базиликой оплетен,
Но ты солги, что розы нет и что цветок был унесен!»
Вот изгородь, ах, соловей! твой бедный труп несет она.

Сладки, сладки твои слова! язык твой сахар и набат*,
И твой шербет, гласит молва, хорош, как спелый виноград.
Семь дней твердила, ты ж, резва, семь платьев мерила подряд,
Бязь и кумач, но где же ткань, что всех достойней?—ждет она!

Язык ашуга—соловей: он славит, не клянет с плеча!
Пред шагом он поет смелей, и для него нет палача,
Нет правил, судей и царей, он сам спасает всех, звуча,
Лишь ты, Саят-Нова, в беде,—пришла, не отойдет она!

1758 г. июнь.

Ты ярче сбри золотой в своих камнях, красавица.
Хранимы ты и милый твой на небесах, красавица.
Ты соловью дала язык, ты рай в цветах, красавица,
Но розе—месяц жить, а ты живешь в веках, красавица.

Хвалить тебя—конца не знать, всего не перечить добра:
Убранство стен твоих—парча, ковер чудеснее ковра,
И каждый гвоздик—золотой, и доски сплошь из серебра,
Ты—трон павлиний*, что воздвиг великий шах, красавица.

Ты—Искандеров* царский лал, жемчужин вереница ты,
Саморедчайшего зерна чистейшая частица ты;
Когда выходишь ты гулять, не различаешь лица ты,
Тебе пред сильными земли неведом страх, красавица.

Возможно Соломонов ум ума превысит глубиной,
Возможно дорогой наряд заткать жемчужною волной,
Быть можно гурией в раю, быть можно солнцем и луной.—
Ты превосходишь все, что есть в земных краях, красавица.

Тебя одел небесный снег, ты пахнешь, как весна, мой друг,
Кто сядет рядом,—опален, ты так чудес полна, мой друг.
Саят-Нова еще живет, зачем же ты грустна, мой друг?
Пусть я умру, а ты живи, оплачь мой прах, красавица.

1758 г.

Я был в Абаше, я весь мир прошел до края, нежная,
Тебе подобной нет нигде, ты отблеск рая, нежная,
Ведь на тебе и холст простой—ткань парчевая, нежная,
Недаром все творят хвалу, тебя встречая, нежная.

Ты—дивный жемчуг. Счастлив тот, кому судьба купить тебя.
Не пожалеет, кто найдет, но горе—обронить тебя.
Увы, в блаженном свете та, чей жребий был родить тебя;
Живи она, была б у ней, как ты,—вторая, нежная.

Ты драгоценна вся насквозь, твоя сверкает красота,
Волна твоих густых волос янтарной нитью повита.
Глаза—два кубка золотых, граненых чашечек чета,
Ресницы—строим острых стрел разят, пронзая, нежная.

Лицо твое,—сказал бы перс,—второе солнце и луна.
Окутав шалью тонкий стан, ты золотом оплетена.
Художник выронил перо, рука виденьем сражена.
Встав, ты—как Раш,* а сев,—затмишь блеск попугая, нежная.

Но не таков Саят-Нова, чтоб на песке воздвигнуть дом.
Чего ты хочешь от меня,—как в сердце вычитать твоим?
Ты вся—огонь, твой плащ—огонь,—как воевать с таким огнем?
На ткань индийскую твою легла другая, нежная.

1758 г.

Я болен от любви к тебе,—о злом недуге плачу.
От горя я совсем зачах и вот в испуге плачу.
Как озабоченный векил*, о всей округе плачу.
Изгнанник, потерявший дом, я по лачуге плачу.

Куда пойти, к кому воззвать, какой поможет властелин!
Когда бы врач Лохман воскрес, помог бы мне лишь он один.
На мой рассудок посмотри, я сам над ним не господин.
Разлив унес мое бревно—по легком струге плачу.

Сгорело сердце от любви, его не исцелять теперь.
Ограды нет, и нет плетня, на что мне этот сад теперь!
Остался лук без тетивы, на что такой снаряд теперь!
Стрелу о камень я разбил и по кольчуге плачу.

Напрасно я вожу пером, в чернилах словно влаги нет.
Всех слов не высказать зараз, как вечной мудрости завет.
Как в затонувший монастырь, к моей душе потеряян след.
Ушел мой пастырь, о грехе в сердечной туге плачу.

В селе ты первый старшина, в столице ты султан и хан,
В саду ты роза и жасмин, в горах ты молодой шушан*.
Сама убей Саят-Нову, он будет счастлив, бездыхан.
Себя не жаль мне, жаль народ: о нем, о друге, плачу.

1758 г.

Угодливо, народный раб, служить ступай, Саят-Нова!
Стяжать отличие царя не всяк мечтай, Саят-Нова!
И пусть подносят желчь тебе, ты сахар дай, Саят-Нова!
Но от камней свое стекло оберегай, Саят-Нова!

Тупицу в школу помести,— от розг не поумнеет он,
Покуда из него злой дух покорно не ответит вон;
Кто черен, будет век таким, от мыла не белеет он;
Безродный в знать не лезь, кривуль не выпрямляй, Саят-Нова!

Когда б ты звезды сосчитал и знал число очей ночных,
Погубит злое дело—все: чти жития людей святых!
Слова спасителя—жемчуг, прекраснее лилей лесных,
И свиньям лал и жемчуга ты не бросай, Саят-Нова!

Там—радость свадьбы, там—печаль; там—пир и песнопенье—
там.

Там—двое любящих в саду, в церквах богослуженье—там.
Коль волю духа ты творишь, не может быть и тленья — там:
Водой шумящей унесен, не унывай, Саят-Нова!

1758 г.

Меня ты ранишь без ножа. Палач моих желаний ты.
О стыд души, не убивай меня тоской заране ты!
Изделье царских мастеров, халат из лучшей ткани ты.
Инд, и Абаш, и Арабстан, Калат, что в Хорасане, ты.

Как горна золотой огонь, твое лицо, сияя, жжет,
И всякий, видящий тебя, ума лишится в свой черед.
Кто не видал, к тебе спешит, а кто увидит, тот умрет.
Картина с фоном золотым, хранимая в сафьяне, ты.

Их много, кто, пленясь тобой, тоскуя встретит смертный час:
А ты, как редкостный товар, открыта взору в год лишь раз.
Твой господин сполна блажен, есть пища у него для глаз.
Сад роз, и летом, и зимой полна благоуханий ты.

Хвала художнику тому, кто нарисует твой портрет.
От лба до брови не дойдет, каким он рвеньем ни согрет.
Твоей возжаждавший воды, не утолится ей, о нет!
В ширазском кувшине* шербет, сладчайший для гортани,
ты.

Блажен сидящий близ тебя, яр, чья подруга такова,
Кто не встречал коварной яр, кто верить мог в твои слова.
Скажи: владеющий тобой боится ль бед Саят-Нова?
Ты с костяным узором сень, дворец меж прочих зданий ты:
1758 г. 6 сентября.

Яр, никогда не знай беды, беда вовек—врагам твоим.
Благоуханьем залит мир нежнее, чем бальзам,—твоим,
Позолоченный Асмавур* не предпочту словам твоим.
Сияешь ясною луной,—и где предел лучам твоим?

В поток любви твоей войдет не всякий, он—глубок, залум*.
Он тридцать перейдет мостов, а все пред ним поток, залум.
От стрелбровей, от стрел-ресниц я вовсе изнемог, залум.
Пловцу открыта смерти дверь, он обречен волнам твоим.

Твой стан—поднявшийся тростник, а лик твой на букет похож,
Ты всех цветов, но цвета нет, что б был на вдовый цвет похож.
Горит алмаз во рту змеи,—он на тебя, мой свет, похож.
Ты освещаешь без огня, покорна ночь огням твоим.

Едва приветишь,—твой привет—приветствие владык, точь-в-
точь.

Пергамент—руки у тебя, и жар-перо—язык, точь-в-точь.
Как знамя золотой парчи, ты вьешься каждый миг, точь-в-точь.
И всякий думает: ты шах, предшествуешь войскам твоим.

Яр, отдалиться от тебя тяжеле смерти для меня.
Язык твой сладок, речь сладка, в устах—каменья ярче дня.
И семь десятков на лице чернеет родинок, маня,
Как семь десятков слов несет Саят-Нова к ушам твоим.

1758 г. 9 октября.

Я ждал, я пролил столько слез,—
Я в добрый час увидел яр!
Меня встречаешь, роза роз,
Шипами,
Шипами,—
Я в добрый час увидел яр!

Приди, пойми печаль мою:
Мученья смертные таю,
Горю любовью, слезы лью
Ночами,
Ночами.
Я в добрый час увидел яр!

Наденешь пурпурный атлас,
Погубишь мир, отрада глаз.
Тебе к лицу—рубин, алмаз—
Рядами,
Рядами,—
Я в добрый час увидел яр!

У саза нет иных забот,
Твои шамамы он поет.
В саду ты водишь хоровод
С друзьями,
С друзьями,—
Я в добрый час увидел яр!

Саят-Нова забыл покой:
Твои глаза—пинджан златой.
Да не глумится недруг злой
Над нами,
Над нами,—
Я в добрый час увидел яр!

Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти.
На весах пусть блещут лалов горсти, горсти.
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым другом!

Пусть я стану горсткой праха,
Яду я приму без страха,
Пусть придет указ от шаха,—
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым другом.

Пусть сверкают дивных лалов горсти, горсти,
Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, милым другом.

Не убивай, не утолив! Намек твой был иной, краса.
Коль я другую полюблю, я человек пустой, краса.

На свете мне одна ты джан*,
Лишь ты мне шах, султан и хан.
Взгляни хоть раз, избавь от ран,
Лишь взором удостой, краса.

Паломник, но без знака, я,
Царь без венца однако, я
На свет гляжу из мрака я,—
Ты будь мне госпожой, краса.

В меня глубоко жар вошел.
Кремень в руке твоей тяжел.
Другую в мире кто б нашел,
Сравнимую с тобой, краса?

Саят-Нова пропал один,
Неколкой розой встал, один.
Скажи: «Ты сердце взял один!»—
Обет исполнишь свой, краса.

Ты—джаваир индийских стран, бесценный лал пленительный.
Коснешься—дашь всему красу, золотой паргал* пленительный.
Богач не каждый клад такой себе сыскал пленительный.
С тобой ли людям говорить, Ростома-Зал пленительный?

Самшит лесов, созрела ты,—твой стройный стан стругать—зачем?
Тобой блажен твой господин, так на других взирать—зачем?
Твой лик—золототканый плат; пером его пятнать—зачем?
Бел, зелен, красен сарисар*,—тобою ал, пленительный.

Легко ль отречься от тебя, тебя найдя с трудом, с огнем?
Увидит кто лицо твое—и помрачается умом.
Бесценный яхонт и алмаз, что в джаваирах весь кругом,
Скандар-Зулхар* как талисман нам завещал—пленительный.

Все время на прогулке ты и розы, и фиалки рвешь,
Из уст—хрустальный гулабдан*—вод розовых ты капли льешь,
Перо на царственном венце, нить золотую ты прядешь,
Ловца избегнувший джейран или марал пленительный.

Яр, отойти мне от тебя куда трудней, чем умирать,
От страсти обезумел я, а помощь как себе подать?
Саят-Нова тебе слуга, не больше. Все ж мне не понять.
Чтоб, отвернувшись от него, твой лик сиял, пленительный.

Нахмуря взор, насупя бровь, глядишь,—твой врач стал пнем точь-в-точь,
Скажи: что сделал я тебе? Но молвишь—вспыхнешь злом точь-в-точь.
Кто косо взглянет на тебя, стань сердце камень в нем точь-в-точь.
О, смилуйся или убей, расправься, как с рабом точь-в-точь.

Рабов не держишь у дверей, царь, слуг разящий, не тая,—
Прими как притчу речь мою,—Венера, мглу разящая;
Ты алой розой расцвела в саду, разящей соловья.
Руби, пока твой рубит меч,—он, схожий с сардаром* точь-в-точь:

Яр, ты на путь меня наставь, чтоб твердым стать я мог душой.
И день, и ночь все плачу я, глаза—как с гор поток весной.
Пусть пред тобой лежу и бьюсь, как пришлый о порог чужой.
Плох,—как Фархаду* и Ширин*, мне смерть—пещерный лом точь-в-точь.

Весна дохнет—раскрыт цветок, и розы алой нет алей;
Садовнику что пользы в том, как нежно плачет соловей?
А с губ твоих стекает мед, промокнет верот,—пожалей:
Сладкоречива ты своим, как сахар, языком точь-в-точь.

По слову, виден человек, будь визир шаха пред тобой;
Не станет годным негодяй, будь он векил, назир судьбой;
Ты устоишь, твой ум везде останется самим собой;
Саят-Нова, вещай свое ты—лучника копьем точь-в-точь.

Ушел Фархад, Ширин, твой взгляд навек тоской опален!
Как выйду в сад? Шипы грозят, я розой злой опален.
Бюль-бюль поет: взгляните вот, я камнем в зной опален.
Я столько месяцев молчу, одной весной опален.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчей опален
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

У падишаха нет в казне даров достойных тебя,
Не ткали ни в одной стране платков, достойных тебя.
Рубинов жар на белизне перстов, достойных тебя.
Ты носишь платье из шелков, цветов достойных тебя.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчей опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

Ты сахар в середине сот, уста так чисты твои,
Ты середины марта знак, так хрупки черты твои,
Рехан волос укрыл от рос убор и цветы твои
Чтоб в середине алых роз хранились мечты твои.
Побойся бога, скинь парчу, ведь я парчей опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

Не потому-ль Саят-Нова владелец всех горьких слез
Тесьмою золотой обвит рехан дорогих волос,
И золотое, к пояску, шитье хорошо пришлось.

.
Побойся бога, скинь парчу,—ведь я парчей опален,
Меджнун я, чуть стопы влачу, твоей красой опален.

Роза шлет весть соловью: мол, расцвела,—ожидает,
Чтоб над ветвями порхал, их подняла,—ожидает,
Чтобы звенели весны колокола ожидает.
А соловей: нет, меня мак, у села, ожидает.

Молвила роза в слезах: «Маку вверяться не надо,
Помни, скиталец, тропу в гущу знакомого сада».
Пусть в забытии был Ростом—недругов тщетна засада,
Он победитель, его в мире хвала ожидает.

Сетует роза: тебя я прокляню, вероломный,
Минул апрель, минул май, розы не видишь ты скромной;
Это все козни судьбы, старой карги неумной.
Умер Фархад и Ширин смертная мгла ожидает.

Истари все-ж соловьи розу зовут своей милой,
Равную-ж розе, молю, Боже, спаси и помилуй,
Преданный Саят-Нова ждать будет и за могилой,
Так, как могила слуги шаха ждала, ожидает.

Меня и милую мою година та ж родила, знай,
И потому я вздох таю, а в сердце кровь застыла, знай,
Я днем и ночью слезы лью, а в грезах много пыла, знай,
Мой влажен глаз, язык сожжен, уста любовь спалила, знай!

Ах, сердце замерло в груди, утомлено борьбой оно,
И око тускло, погляди, томится по одной оно,
Тьма перед мыслью впереди, лишь пение—со мной оно,
Но мне надежды в жизни нет, близка моя могила, знай.

Сожжен, изранен, я брожу, приюта нет родного мне,
Я острых слов не нахожу, но для чего и слово мне!
Тысячекратно я тужу: дано так много злого мне,
И мысль и память как в цепях, меня пучина скрыла, знай.

Но сердца траурен наряд, и кровь из глаз струится вновь.
Как тучи на море лежат, так жаждет грудь упиться вновь.
Лечить я рану сердца рад, но можно ль исцелиться вновь?
Так истекаю кровью я—ах!—я отвергнут милой, знай!

Кто видит, говорит сейчас: «Ты гибнешь—ах!—Саят-Нова!
Тебя встречать ли нам не раз, кровь на очах, Саят-Нова!
Иль лучшей девы, лучших глаз нет на пирах, Саят-Нова!»
Вся жизнь прошла, как сон, плодов лоза не подарила, знай!

ՎՐԱՑԵՐԵՆ
ԽԱՂԵՐ

ГРУЗИНСКИЕ ПЕСНИ

Պարամին զարկրոսցիւոտ լամի Եար,
լոբոս զարլո, պանամի Եար, մլամի Եար,
զանտընկոս ոսնցիոտ մոամի Եար,
Եանտյրո Եար, խմանԽա Եար, լամի Եար,
Երցոս քորկրոտ Ջլիրանո, Եամի Եար. *

То, что бархат я, что шелк я, что парча—ты разве знаешь?
Что как легкий ветер к розе льну журча,—ты разве знаешь?
Что тебе пою, на сазе все бренча,—ты разве знаешь?
Что с тобой обручены мы, два луча,—ты разве знаешь?
Обо всем о чем бренчу я, бормоча,—ты разве знаешь?

Как всю землю обошел я, ты, краса, послушай ныне.
Без Лейли, с Меджнуном схожий, всюду был я как в пустыне.
Соловьем искал я розу,—но и в найденной долине
Не увидев к ней дороги,—я в отчаянья пучине.
Покажись! Что жжешь мне крылья, как свеча,—ты разве знаешь?

Прозвучали мои струны и печали над Ираном.
Песни люду и владыкам я певал по разным странам.
Что ж мне делать? обречь ли это сердце новым ранам?
Сын один я у родимой,—бьешь меня ты в гневе рьяном.
То, что сахар ты метнула в глубь ключа,—ты разве знаешь?

Дышет осень; не умчаться ль мне за птичьей стаей тоже?
А покуда расцветешь ты. Иль ко мне ты станешь строже?
По тебе тоски не зная, жил-бы долго я,—ну что же,
Я приду к тебе сегодня в поздний час, но все-ж—о боже!—
Что гостей своих не гонят сгоряча,—ты разве знаешь?

Я, Саят-Нова, в печали. У меня ведь лука нету.
И меча, чтоб замолчала вместе с жизнью мука,—нету.
И груди твоей гранатов,—о горька разлука!—нету.
Лоб в огне, пылает сердце, слов твоих и звука нету.
Что в хмелю бреду, чуть ноги волоча,—ты разве знаешь?

Ты розы вскормлена соском,—и как она красива ты.
Как белый хлеб—ведь так сладка нам белизна—красива ты.
Огнем, что золото кует, сотворена, красива ты.
Как шамаханских чаш хрусталь, в миру одна красива ты.

Покинь свой дом, султан мой, хан,—пойди, сверкая свитою.
Ты здесь—нарцис, в горах пойдешь вся с лилиями слитою.
Ты схожа с нитью золотой зерном жемчужным скрытою.
Серьгою сказочной Тадмар* озарена—красива ты,

Тебя лишь только вижу тут,—а где-то там—вселенная.
Как роза грудь твоя, в устах—бюльбюля песня пленная.
Я видел ангела во сне,—и дума неизменная:
Как эти гурии небес, как их страна красива ты!

Ты кардамон неведомый, мускат, гвоздика новая.
Ценна ты, ткань атласная, прекрасная, парчевая.
Ты—ларчик мой сандаловый, и как...—найду ли слово я!—
Его резьба, что жемчугом окаймлена, красива ты!

Спроси ж о чем Саят-Нова рыдал, платок свой тискаю.
Плыви ко мне! Что в море ты стоишь, ладья английская?
Ты днем что солнце гордое, ты в ночь звезда не близкая.
Пятнадцати дней от роду, моя луна, красива ты!

О, приди, я твой, не гляди сурово,—
Неужели я—принят за чужого?
Снова солгала, обманула снова:
Я пришел, а ты не сняла засова,—
Задремала, мол, не слыхала зова..

Звонкая струна, розы изваянье,
Лучших мастеров лучшее созданье,—
Если ты придешь ночью на свиданье,
—Не засни,—скажу,—выслушай признание!—
Каждое твое на'смерть ранит слово.

Брови ты сурмишь перышком червонным,
Пряжки в дар тебе шлет Гилян* с поклоном,
От волос твоих веет кардамоном.
Как ты можешь спать на беду влюбленным?
Милая, не знай сновиденья злого!

Люди говорят—я кармин бесценный,
Скрытый на груди дар любви нетленный;
Нестерпим твой взор—солнце всей вселенной.
Ты—мой свет, а я—отблеск твой мгновенный
Мерзну я, ищу—твоего покрова.

Резвое дитя, ты сулишь мне горе.
Как тебя догнать? Ты—кораблик в море.
Опий ты, гашиш, марево во взоре!
Ты Саят-Нову побеждаешь в споре.
Ты—краса. Я—раб. Ты притти—готова?

Милая, давным-давно в сердце мне запала ты,—
Серебра да золота сплавом засверкала ты,—
Улыбнулась: в два ряда—жемчуг показала ты.
Солнце мое светлое, искрометней дала ты!
Тень свою на зе'млю всю, стройная, бросала ты.

Покажи мне—яр-ли ты?—лик свой на мгновение!
Ветерок измирский* ты, вешнее цветение,
Ткань венецианская—мастеров терпение,
Ты в парчу закутана, золотою стала ты.

На тебя гляжу с тоской, плачу всем на диво я,—
Нам бы побеседовать, ты—красноречивая.
Что' мне лань и что' джейран? Ты резвей, игривая,—
В степь таких стрелжков, как я, увлекла немало ты.

Яр неверной не любить—я клянусь, красавица.
На тебе любой наряд всем на свете нравится.
Красоты прекрасней ты. Как мне с клятвой справиться?
Сохнет горло, если мне образ твой представится.
Скорбь Саят-Новы с собой в дальний путь умчала ты.

В саду возлюбленной канул мой разум.
Придя, увидел я дверь на запоре.
Стою, безмолвствую. Разум в тумане.
Лишь тополь сладостный мреет во взоре.

Сказал: убей меня! Это—на благо!
Не мучь: ведь песнь моя спета—на благо.
Веселье, радости, лето—на благо,
Свое отдай ты навеки мне горе!

Приди! Дай руку мне снова и снова!
Рубин ты! Жемчуг ты царства морского!
Постой! Помедли! Промолви хоть слово!
Ты—лань! Ты носишься вскачь на просторе!

Царил султаном я—дани утратил.
Купцом скитался я—ткани утратил.
Тебя, блеск утренней рани—утратил.
Найти сумею ли скрытое в море?

Дивишь меня ты изменой не маю.
Клинка Ростема я чувствую жало.
Оплачь сраженного: лег я устало,
Глаза к стопам твоим тянутся в горе.

Пленяет облик твой, солнцем пылая.
Отринь всех прочих ты! Гибну, стгорая!
Преданной речи сердцем желая,
С Саят-Новой ты пребудь в разговоре.

В соловьях нет недостатка, полон сад цветов,—не так ли?
Полон он фиалок нежных, розовых кустов,—не так ли?
Каждый куст сирени тенью нас укрыть готов—не так ли?
Всюду свечи восковые, полон сад ковров,—не так ли?
Все разубрано; канатных много плясунов,—не так ли?

Не сердись, я притчей много, мудрецам подстать, имею.
Как отдать тебе сто жизней? Ах, одну я, знать, имею.
Весь я твой! Иль пред тобою я долги опять имею?
Приходи к нам, о приятном я тебе сказать имею.
Всех позвали,—и с шелками сотни тут купцов,—не так ли?

Так уж за' городом надо: без веселья—невозможно.
Без возвышенных речений восхваленье—невозможно.
Если ковш мы расплескаем,—утоление—невозможно.
И твое от пиროванья отдаленье— невозможно.
От Лейли принять приятно чашу в ночь пиров,—не так ли?

Счастье этакой помолвки людям не было знакомо.
Так и шах не веселился, сделав свадьбу для Ростомы.
Только из за неприступной и взяла меня истома,
Из за бубна и свирелей, из за звона, из за грома.
Тут и лютни, тут и цитры, много и певцов,—не так ли?

Тростниковый стан твой тканью опоясался узорной.
Родинка над ртом жемчужным,—как индийский перец черный.
Яхонт, лал ты и алмаз ты, жемчуг лучший ты, отборный.
Не придешь,—так разберет нас суд царевый непритворный.
Царь Саят-Новы—прекрасней царственных орлов,—Ираклий.

Говорю с тобой затем я,
Что твой стан я ныне видел.
Светлоликую на ложе
Я, томясь в кручине, видел.

Опишу ль свое мученье!
Погляди хоть на мгновенье!
Я твой дом—благодаренье
Божьей благостыне!—видел.

Ты—огонь! огня ты строже,
Но сжигать меня за что же?
Поутру тебя я схожей
С солнцем в небе синем видел.

Коль нам нет, разлуки боле,
Поиграем в «голи-голи»*
Вскроем розу. Я на воле
Литию в долине видел.

Пад Саят-Нова в поклоне,
Ты ж—луна на небосклоне.
«Сани» я зовусь и «тони».
Перед «ани» «вини» видел»*.

Я—твой раб,—тебе прислужник никакой не нужен.
Кто как я тебя полюбит? нет,—другой не нужен.

Трон индийский ты, покров ты дорогого сорта.
Счастлив спутник твой: как амброй грудь твоя натерта.
Над тобой должна быть кровля в золоте простерта!
Ты зорка. К тебе подход ведь воровской не нужен.

Ты—фиалка, горный снег ты в выси поднебесной.
Ты—самшит, твои ресницы лес тенистый, тесный.
Весь июль бюльбюль бюльбюлит песни над прелестной.
Роза ты, тебе для дружбы червь немой не нужен.

Будем вместе мы на свете годы, не недели.
Мы груди твоей жасмины меж собой разделим.
Быть вдвоем! Об этом только мыслю я уделе!
Верь Саят-Нове: нам свиты шумный рой не нужен.

Ты—источник песен, ты подобна сазам.
Ты—в тебя влюбленных убиваешь разом.
Кипарис! А кудри уподоблю вязам.
Море ты, украшен мир твоим указом.
Замкнутый ларец ты с пламенным алмазом.

Ты—краса ловитвы, раш ты и джейран ты,
Ты коралл и лал ты, луч небесных стран ты,
Ты шандал хрустальный, вместо свеч нам дан ты.
В длани держишь меч ты, как Ираклий хан ты,
Окруженный свитой, пляской, песней, сказом.

Светишь ты над миром, солнце и луна ты.
Лишь бы не зашла ты, в мире ведь одна ты.
Кипарис тенистый—к благу нам дана ты.
Ты—луга и лес ты,—в нем и мир пернатый,
В нем и дичь,—и лес тот не окинуть глазом.

Ты—весна, фиалка, золотой поток ты,
Из цветов расцветших благовонный сноп ты!
...Ты ж, Саят-Нова мой, преданный холоп ты,
Соловей—скиталец, верен ей по гроб ты,
Трелишь по утрам ты, свой утратив разум.

Хороша ты в златоткани! В золотом уборе ты.
Всем Тураном, всем Ираном завладеешь вскоре ты.
Будь со мной! Грозя разлукой, смерть несешь во взоре ты.
Соловья стегает веткой! Почему с ним в ссоре ты?
Спит влюбленный: слышит: песней потекла в просторе ты.

Все в цвету! В кругу прислужниц выходи же в сад скорей!
Там тебя с прекрасным утром поздравляет соловей.
Кто взрастил тебя на славу? Отчего ты всех милей.
Всех убила! Я не в силах петь о прелести твоей!
Сотни строк стихов любовных принимай не споря ты.

Как твоя красива шея! Не хрустальна ли она?
Что ты в зеркало глядишься? Лик твой—полная луна.
Ты подрезываешь кудри, мне рука твоя видна.
Чем кичишься? Уж не тем ли, что душа моя больна?
Я сражен! Ведь весь мой разум забрала в задоре ты.

Нет, мне смерти не избежать. Я погибну, я умру,
Хоть бы всем и завладел я, что имеется в миру!
О любовь, в уборе этом как блестишь ты поутру!
Шелк! Атлас! Парчи узорной примечаю я игру!
Не украл,—сама дала мне лал в златом уборе ты.

Нет, тебе приснилось только, что неправилен мой слог!
Кто раскинул эти розы, разостлал на твой порог?
Описать ли прелесть милой. Нет, стихам она не в прок!
Плачь, Саят-Нова! Откуда получить ее ты б смог?
Трон индийского владыки,—знаю—мне на горе ты!

Твоего бы дожидаться прихода,
Чтоб луной ты сошла с небосвода,
Чтоб стрижем ты мелькнула у входа!
Только тайно скользни у прохода,
От снующего кроясь народа.

Над тобой мне подняться бы солнцем!
Никнуть вязом к окон твоих створцам!
Хоть и сломишь ты ветвь под оконцем,
Все ж твоим я бы стал однодворцем,
Рядом жил бы с тобой, год из года.

Из за глаз твоих горестен каждый.
Я ль виной, что сказала мне. «страждуй»!
Не кори, что томлюсь я от жажды.
Не цвести красоте твоей дважды,
Хоть она и надзвездного рода.

Златоткань моих песен, без речи,
На свои ты б накинула плечи!
Если ж род мой от гордой далече,—
Словно раб я повергнусь при встрече,
Что б растоптан был милой в угоду.

Как звезды ночных небес переливы ты,
Как цветка рубинный блеск в ширях нивы ты.
Цвет фиалок, что покрыл гор обрывы, ты.
Гусли ты, восторг, смычок прихотливый ты.
Колдовской джейран, морской конь игривый ты.

Иль с тобой не шли одной мы дорогою?
Что же брошена стрела дланью строгою?
Красота была большим всем помогу.
Под индийскую луной златорогою,
Кистью писана златой, всем на диво ты.

Без тебя, скажи, кому жизнь приглянется?
Грешен чем? За что тобой сердце ранится?
Вкруг меня твоя краса цепью тянется.
Где же ты, не вижу я, все туманится.
Ах, в шкатулке золотой и в ревнивой ты!

Ты как тур: тебе сродни все предгория.
Ты как туча слезы льешь, вижу в горе я.
Как джейран, ты все живишь плоскогория.
Смену дум твоих постичь нет подспория.
Всем глядящим—горький вздох, слез разливы—ты.

Сам индийский царь тебе шлет послания.
С нами ж все твои творят приказания.
Стража в золоте стоит возле здания,
На подносах жемчуга льют сияния,—
Не твои они, Саят, несчастливый ты!

Слова «нет» не скажут милым. Кто предаст их лютым карам?
Тщетно к яр я устремлялся; думал: мчусь я к ней не даром.
В Индостан тебе в усладу, я послал за каламкарком.
Раздобыв парчи индийской,—ублажу тебя товаром.

Я ищу тебе застежки,—все витые, не простые
Тонкой кистью начертали твои пальчики литые.
Встань! Пляши! Послушай,—струны заурчали золотые.
В серебре чеканный пояс на тебе сверкнет пожаром.

Стан сородич кипарисам,—нет! он—стеблик тростниковый.
Лик твой—солнце, лик твой—месяц, светлый лик твой—светоч новый.
Словно ангел к нам явился, к смертным снизойти готовый.
Что цари! Твое сиянье их неведомо тиарам.

Я пришел к тебе под утро, не придти не стало мочи.
Вся нырнув под одеяло, не насытила мне очи,
И Саят-Нова несчастный все не спит, не спит все ночи.
Так не спят ночами звезды, подчиняясь лунным чарам.

Я был сыт, не для пирушки, полной гама, я пришел.
Для беседы с самой нежной с милой самой я пришел.
Что б остаться до рассвета здесь, упрямо я пришел.
Для чего ж еще... не помню, молвить прямо,—я пришел.

Ты что царская корона, голова моя, что прах.
Ты в одежде драгоценной, ты в атласе, ты в шелках.
Лик твой—зеркало в оправе. Мне-ль мечтать о зеркалах?
Чтоб узнать, что может стоять только рама, я пришел.

Дорога ты, златоткань ты, шелк ты, бархатный товар.
Ты—клинок из Хорасана, ты—индийский каламкар.
Я купец страны далекой, как марандский* ты базар.
За холстом, иль для другого, видно, хлама, я пришел.

Одари меня, о жемчуг,—свой отдам тебе язык.
Дай мне вексель на веселье,—жизнь мою получишь вмиг.
Иль убей, иль дай увидеть, что мой день опять возник;
Жить, иль чтоб меня могилы скрыла яма,—я пришел.

Пусть же в мире неустанно прославляют стройный стан.
Не найдет тебе подобной Индостан и Франкистан*.
Над Саят-Новой беднягой плачут все: тобой он пьян.
Бросив дом, из за Алетпо*, из за Шама* я пришел.

Миру твой царственный облик на диво,
Он предстает мне, луну затмевая.
Как на груди твоей белой красива
С древним распятием цепь золотая.

Кто не видал тебя, мучится каждый,
Каждый, увидев, погибнет от жажды.
Если б, отвергнут, я умер однажды—
Горы бы плакали, мне сострада.

В сердце несу твои тайные муки;
Бьюсь головой о преграды разлуки;
Я не изменник, не требуй поруки,—
Иль не со мной моя честь родовая?

Милая, нами весь мир недоволен:
Бедный Саят-Нова яр подневолен;
Горло мое пересохло, я болен,
Я из-за яр умираю, рыдая.

Прок ли в том, что злой печали ты не знаешь!
Дней, что были, что настали ты не знаешь!
Что мне беды горло сжали ты не знаешь?
Что мне слезы мир застлали ты не знаешь!
О Саят-Нова едва ли ты не знаешь!

Одарил нас бог обоих жизнью, светом.
Речь твоя! Должна бы течь она шербетом!
Для врага—шипы! подумай-ка об этом!
Знать порою зиму спутаешь ты с летом.
Пасха ль, будни ли настали, ты не знаешь!

Воробей ли я? Мой голос—соловьиный.
Не ладья я из неведомой чужбины.
Не араб я, я не с черною личиной.
Не томлю тебя я злобною кручиной.
И соседа—ты права ли?—ты не знаешь!

Я горю, тебе задуть огонь мой надо,
Что скрываешься? Зачем со мной не рядом?
Молвлю слово,—и предашься ты уладам.
Нет, Саят-Нова, не раб ты с робким взглядом!
И царя, пред кем все пали, ты не знаешь!

Кто море звездным сожжет сияньем?
Кто б мог исчерпать Куру горстями?
Как может ветер скалу обрушить,
Хотя бы дул он, ревел годами?

Хоть блещут стенки и медной чаши,
Все ж золотая для взора краше,
К камням, не к стеклам при страстье наше,
Хоть в перстне схоже стекло с камнями.

Пусть мир наш черта влеком указкой,
Все ж черт на бога глядит с опаской.
И тыкве чашей не стать Ширазской,
Хоть вознесешь ты ее над нами.

Кем речь от рыбы была добыта?
Не красят хною ослов копыта.
Когда не ватой—песком набита
Постель,—не спится и под шелками.

Кто я знать хочешь, мне докучая?
На наши песни взял все права я.
Я—Арутин, Саят-Нова я
Пою,—и песни гремят громами.

1751 г

В саду закричал попугай, услышать соловья я жаждал.
Я сладко дремал, но тебя, о живая струя, я жаждал.
Я горы прошел, посетить золотые края я жаждал.
«Ах, розу для мук» — пел бюль-бюль, своих слез не тая — «я жаждал».

Изранен я, изнеможен, я прельстился напрасной далью.
Кто розу сорвал? Как бюль-бюль, я смертельной сражен печалью.
Хваленный ларец золотой с хрустальными ты и с эмалью.
Зачем же тебя, о ларец, о напасть ты моя, я жаждал?

Явись же, степной мой джейран, не таись меж ветвей, — не надо!
Как нежный пергамент твой лик, как мрамор и как прохлада.
Изделье китайское ты, чья же будет с тобою услада?
Золотую твою полу ухватить за края я жаждал.

Прочел я посланье твое, ты мое-отклонила строго.
Взгляни, — я и нищ и в плену, снизойди же во имя бога!
Зачем ты забыла меня? Вспоминай меня хоть немного.
Недуга на ложе твоём одолеть острия я жаждал.

Зеница очей моих — ты, лицемерно не молвлю слова.
Давным я давно обожжен, чтож меня обжигаеть снова?
Ты — роза, а я соловей, что ж к Саят-Нове ты сурова?
Что б в плен заключила меня нежно клетка твоя, я жаждал.

Среди двух селений, слышал, есть гора, это правда.
В саду твоём розы—пришла их пора—это правда.
В твой сад соловьи кажут путь в вечера, это правда.
Как свет, говорят, государя сестра, это правда.
Знал много я стран и в морях знал ветра—это правда.

Простер к тебе руку,—ее ты шипами пронзила.
Рубинами влажными кровь мои пальцы покрыла.
Снесу ль это горе? Уж сердца исчерпана сила.
Глаза мои плачут, в разлуке ничто мне не мило.
Мне небо свидетель,—я в дымах костра,—это правда.

Знать сокол напрасно трудился, гонаясь за лисицей!
Ты змея побсрешь, твой взор полыхает зарницей.
Забудь тебя! К новой лететь быстролетною птицей!
Что раньше оплакать? Печали снуют вереницей!
И жертвы считать для тебя лишь игра.—это правда!

Смущается разум того, кто стоит пред тобою,
Меч к шее наклонится, сердце пронзится стрелою,
Сгниет он, иль моря он будет об'ят широтою,
Под тяжестью жернова в яму надет с головою.
Опасна, слышал я, колодца дыра,—это правда.

Как на берег выйти? Я брошен в морскую пучину.
Рот кашей сожгла мне,—и дую я на пахтанину.
Горшок я разбитый, и в яме я наполовину.
Как синька, я вылинял, взор на себя я не кину.
Рабом меня чтут Гурген-хана двора,—это правда.

Иной, расслабленный, в бессильной брани
Того, кто мощен и высок, бракует,
Ножа заржавленного нет в кармане,
А хорасанский он клинок бракует.

Иной же, горестный, не знает крова,
Хоть ночь нагрянула, бредет он снова,
Гортань и желуди забыть готова,
В саду ж черешневый он сок бракует.

Иной направится на лодке в море,
Узрит лягушку там и крикнет: горе!
Тот—слег у рытвины,—помрет он вскоре,
Ростома ж слов его поток—бракует.

Алмазы древние глупцу на что же?
Сыр новосозданный ему дороже,
Кушак—веревочка, да листья—ложе,—
И ткани царственной он прок бракует.

Свинья на дерево залезть не может.
Пусть мрут, чьи печени лишь злоба гложет!
Саят-Нове народ пиры умножит.
Он весел. Злости он порок бракует.

Кто завидует соседу,—ни крупичицы
Беднякам не даст, хоть был бы он богатым.
Пусть он знатен,—коль на всех он в мире злится
И отца его все назовут проклятым.

У того, кому змеей пришлось родиться,
Жало злое, не язык во рту змеится.
«Злоба злобных им самим воздаст сторицей».
В мире сказано моим же, знать, собратом.

Злонамеренный подобен горсти праха,
Не украсит его гордая пашаха,
И горбатого верблюда, как ни ахай,
Невозможно сделать стройным, негорбатым.

Скудной глине стать фарфором и не снится.
Ивовой коре вовек не стать корицей..
Ах, Саят-Нова тебе ль не покорится
Коль допустишь ты его к своим палатам!

Ты что Араксом вспененная Мтквари*.
Норов твой яр, я сражен в нашей сваре.
Ты что парча в златотканном пожаре.
Брови узрю,—и горю в этой чаре.
Что ж в моем скромном отыщешь ты даря!

Этот—утешится только лишь пиром,
Этот—вино предпочтет всем парфирам.
Сердце ж мое не желает быть сирым,—
Песней нестись бы, как птица, над миром!
Прочь оса! С розой не быть тебе в паре.

Лик твой явить ли каламом и тушью?
Разум всех встречных предашь ты удушью.
Кто знал предел твоему равнодушью?
Все тебя ждут,—так над морем, над сушью
Встань ты, как солнце, в полдневном разгаре

Аист багдадский,—не слышит он зова!
Птица индейская, молви хоть слово!
Злая душа мне и внять не готова!
Как убедить мне разлучника злого.—
Враг он Фархада, нет злобнее твари.

Кознями тешить нас, верно,—услада?
Правых убьешь, а неправым—попада?
Прочь—соловья? Видно, с розой быть надо?
Сколько печалей, исполненных яда,
В щедром Саят-Нове, в нем,—в сазандаре!

Злобным быть, как иной, не хочу совсем,
Пышной жизни мирской не хочу совсем,
Мстить вам речью дурной не хочу совсем,
Честь забыть хоть порой—не хочу совсем,
Князем быть, смерд простой—не хочу совсем.

Отойди, чашей кровь ты мою не лей:
Люди знают, что я поценней камней,
Как обычай велит, я в руке твоей,
Ты в атласах меня, да в шелках железей,
Рясы с черной каймой не хочу совсем.

Что бы взор твой приветный узрел бы я,
Край одежды твоей сжать, хотел бы я,
Если б пасть пред тобою посмел бы я!
Если б в смежный твой сад все глядел бы я!
Я стены никакой не хочу совсем!

Но твой срок миновал, о Саят-Нова!
Что твой стон: «пропал», о Саят-Нова!
Враг твой заликовал, о Саят-Нова!
Что в печали ты впал, о Саят-Нова!
Хлеб и соль есть с тобой не хочу совсем!

В сад весенний дверцу милой открою.
Тополь сладок, розан сладок, сад сладок.
Проживем здесь все мы годы с тобою,
Лик твой сладок, месяц сладок, мир сладок.

Эти чаши, это блюдо—все наше!
Струны саза, злаков груды—все наше!
Эй, садовник, прочь отсюда! Все наше!
Цир наш сладок, взор твой сладок, день сладок.

Нет уж роз тут, уж не манят, аллея.
Соловьиный льется плач, их жалея.
Но в фиалках лиловеет аллея.
Вечер сладок, ответ сладок, ключ сладок.

Тонкий стан твой в плащ облекся багряный.
Кипарис ты, персик нежный и пряный.
Держишь мир ты ручкой властной и рьяной.
Пламень сладок, трепет сладок, май сладок.

Арутин я. Льется звонко рулада.
Сядь! Ковер хорасанский—услада.
Ай, с ограды не кинули б взгляда!
Саз мой сладок, рот твой сладок... я сладок.

Взорам смертных словно роза рая ты.
Подношу тебя как яство ценное.
Тополем стоишь, на нас взирая ты...
Нет, не то... вино ты сладкопенное.

Не внимать наветам сердце просится,—
Пусть вокруг милой вьется окоlesiца!
Приходи,—ковром под ножки броситься,—
Вот мое стремленье неизменное.

Ах, узрю ль алмаз в золотой оправе я?
Насурмишь ты брови... иль не вьправе я
Сравнивать с венцом тебя? В отраве я
Страсти—золото ищу нетленное.

Как фазан я б шел долиной нашею
За тобой,—ты б шла с хрустальной чашек
Ты славна. Тебя ль стихом украшу я?
Сокол я, ты—птаха. Станешь пленною.

Пламя жжет, все жжет меня проворное.
Власти нет, прошу тебя покорно я:
От Саят-Новы отставь упорное
Наказание,—и так отменное.

Всю душу отдам без завета для милой!
Всех благ не жалел бы я света для милой!
Я—раб: знать был куплен я где-то для милой.
Как факел горю, без ответа, для милой.
Зима и весна я и лето для милой.

Твой лик не начертят художников пальцы.
Твои всех прелестней работают пальцы.
Тебя только помнят по миру скитальцы.
Не спят мои очи—ночные страдальцы.
Болею, плетя сеть привета для милой.

Ты—свет маяка, озаряющий море.
К лицу тебе ткань золотая, в узоре.
Ты—луч, что за сумраком выступит вскоре.
Стыдливость, в твоём прионужденном взоре.
И песнь моя славой одета для милой.

Иль распря с влюбленным тебе на забаву!
В безумьи ты, словно испила отраву!
Я к неге стремился, да встретил заставу.
Но к розе слетая, пою я на славу,—
И песнь соловьиная спета для милой.

Твоему суду сердце будет радо,
Ты—пресветлый царь, Грузии услада.
Люди говорят—я, мол, их досада,
Мусор я дрянной, кладезь, полный яда,—
Мол, не обессудь,—высказаться надо.

Неженат живу—где искать привета?
Я—мужик: толкнут—и не ждут ответа;
Вот я целью стал для насмешек света;
Сердце я раскрыл—молвят мне на это:
«Холм бесплодный ты меж грядами сада!»

Я царю предстал в чистом облаченьи,
Саза моего чужа нетерпеньем,—
—Мне б грузинских слов позабыть значенье!—
Прочь меня прогнал царь в ожесточеньи:
«Грязный войлок ты, поношеньем взгляда!»

Сказано: гора встретится с горою.
Боже, будь твоя милость надо мною!
Неужели я и суда не стою?
Лучше бы казнил царскою рукою—
Ты, наставник, мой, ты, моя отрада.

Грудь мне сокруши—все равно я вскоре
Возвращусь к тебе с жалобой во взоре.
Брошусь я в Куру, не в Куру—так в море!
Пой, Саят-Нова, пой, лелея горе!
Горе да беда—вот твоя награда.

Голова! О горе! Что с тобой стало!
Ты во всех краях народ забавляла,
Где бы ни был я,— ты в прахе лежала,
Не нужна теперь ты людям ни мало.
Не вини, кручина, многих ты в этом:
Намудрил,—причина только лишь в этом.

Уже славен был я в мире просторном,
Как алмаз в затворе золотоузорном.
Что ж со мной? Что день мой сделался черным?
Иль мой лоб стал—камнем, ум неprovорным?
Не вини, кручина, многих ты в этом;
Намудрил,—причина только лишь в этом.

Уж не рис—ячень я. Вижу со страхом:
Стал дроздом, взлетал же голубя взмахом.
Для чего, скажи мне, стал я монахом?
Злать от злой судьбины все пошло прахом.
Не вини, кручина, многих ты в этом:
Намудрил,—причина только лишь в этом.

На пирах царями я отмечался,
И везде князьями я почитался,
И в одежде алой я величался.
В чернорясца век бы не обращался!
Не вини, кручина, многих ты в этом;
Намудрил,—причина только лишь в этом.

ԱՄԲԵՉԱՆԵՐԵՆ
ԽԱՆԵՐ

ԱՅԵՐԲԱՅԻԴՋԱՆՏԻՄԵ ՄԵՏՆԻ

Սոյսն յաջ օգրաննիս, քիս օնս ճոնսն բիւնս,
Տորթս օլան բիր լճիւնն իննճտն լոնսն բիւնս,
Ինքս ուրթն լին Բութա արճի օնս ճոնսն բիւնս,
Քոնսն կըլտանսն ար, սել ճոնսն ճոնսն բիւնս,
Մարտն սելտ արթն ճոնսն, ճոնսն, ճոնսն ճոնսն *

В морях любви на дне есть жемчуг и, вот, оттуда кладь моя,
Шелка, цветов рубина, перла, иль изумруда—кладь моя.
Неведомые благовонья в стекле сосуда—кладь моя.
Ты всех невидевших приманка, души причуда—кладь моя.
Имбирь, гвоздика, мир, терпенье и прелесть чуда—кладь моя.

Художники со всей вселенной пускай сберутся вокруг меня,
Индийский резчик пусть рассмотрит узоры, тонкость оценя.
Любуйтесь яхонтом, рубином, игрой их тайного огня.
Заворожат вас шелк и бархат и златоткань, к себе маня.
Искусно убрана, с умением,—не сыщешь худа—кладь моя.

Так тяжела!—слону не сдвинуть, не унести и на спине,
Ни за один рубин не смог я сойтись с оценщиком в цене.
На тысячу затворов заперт любой ларец в моей казне.
А в сердце горн такой пылает, что и в потоп сгоришь в огне.
Сожжет вас,—если не уйдете тотчас отсюда—кладь моя.

Эй, господа, боюсь расхитят поклажу ценную мою,
Я лучше выюк за выюком вскрою,—вам покажу о чем пою.
Товар возьмете—не возьмете—себя вам в жертву отдаю.
Я выюк раскрыл: разнесся запах,—вдыхайте сладкую струю.
Дошаб, шербет, миндаль и сахар, варенья блюда кладь моя.

Алмазными пусть станут скалы,—на что они моим очам.
Другие пусть ко мне подходят, а к ним не подойду я сам.
Но не приблизитесь вы, знаю, огонь любви опасен вам.
Послушайте друзья, не верьте, прошу, Саят-Новы словам.
Вель так нежна, что в зной растает, как снега гряда кладь моя.

Дитя океана! Мой перл! Для тебя
Алмазов и лалов не жаль, назани,
Язык твой—как сахар, уста—как пинджан*,
А губы—как мед и миндаля, назани!

О, нежная, крови моей не пролей!
Лицо твое—кости слоновой белей,
Червонные косы—цепей тяжелей,
А родинка—сердцу печаль, назани!

Пугливая ты куропатка в горах,
В парче твоя грудь, как шамамы в садах,
Твой стан—на токарных точили станках,
Зачем ты закуталась в шаль, назани?

Ты—роза, фиалка блаженных долин,
Пера на короне бесценный кармин,
Похищенный в шахских таможнях муслин!
Глаза твои—темный хрусталь, назани.

Саят-Нова—пирам наследник прямой,
Дана ему песенной ты ворожкой,
К любви он рванулся—и ранен тобой,
И раны сочтет он едва ль, назани!

1742 г.

Все расскажу о родинках любимой:
Одна—Иран, играя, покорила,
Одна—взяла весь мир необозримый,
Сердца'—другая, злая, покорила.

Одна теперь—владычица морская—
И Гюмушхан ей платит дань, вздыхая;
Вселенной солнце яркое—другая,
Владычица земная, покорила.

Одна—всегда добром и злом играла,
В горах дремучих—ланиям стрелы слала,
Одна—прекрасней яхонта и лала;
Какой алмаз другая покорила!

Одна,—майдан тбилисский тенью края,—
Купцам и нищим не дает покоя;
Другая—ищущего яр—без боя,—
Сама того не зная, покорила.

Одна—чернеет, звезды затмевая,
Другая—скрыла небеса до края;
Одна—пленила песню, а другая—
Саят-Нову, терзая, покорила.

Надела золотую ткань на пурпурный атлас—яр,
Художник мушку начертил: таков был мой приказ, яр;
Твоя улыбка—яркий лал, и жемчуг, и алмаз, яр,—
Прекрасный вырез губ твоих чуждается прикрас, яр!

Безумец я, не нахожу тебя достойных похвал;
«Взгляни!»—молил я—не глядишь. Любви мой разум искал—
Ты унесла его с собой,—я беден мыслями стал,
В кувшин китайский слезы лью из опаленных глаз, яр.

Где дни? Где ночи? Я забрел в незнаемые места.
На быстром скакуне любви летит твоя красота,
В зеленом, в синем, в красном ты—тебе к лицу пестрота,
Шелк, бархат, златоткань, парча—ты в новом каждый раз, яр

Как бабочка вокруг свечи, в огне любовном сную:
Не сгину, если покорю возлюбленную мою.
Я тучу локонов твоих под жгучим ветром пою.
От сглазу верный амулет надень в недобрый час, яр.

Схватили ли я—Саят-Нова—свою любовь за рукав?
Я обезумел, как Бахлул, в ее засаду попав,
«Приди!»—воззвал, за песню песнь, как яхонты, распродав,—
И шелест платья твоего—меня от горя спас, яр!

Я тобой измучен, о моя пери!
Душу обожгла мне, извела не ты ли?
Плач мой, что все ночи слышен до зари
По садам окрестным разнесла не ты ли?

Кинул свой улус* я, мне возврата нет.
И в своих скитаньях весь прошел я свет.
Кто скрутил мне жилы, сгорбил мой хребет?
Стан мой в лук согнула, о стрела, не ты ли?

Как Меджнун в пустыне, я не жду отрад.
Притчей во языцех стал я как Фархад.
Вот Саят-Нова твой! Он и жить не рад.
Жизнь его на гибель обрела не ты ли?

Она взрастила сад красот: айва и гранаты— в ней.
В ней амбра с мускусом слились, всех стан ароматы—в ней.
Фиалок, майорана дух, дух розы и мяты—в ней.
В миру—зима, но все цветы, что веснам так святы—в ней.

Я юн еще и жарок я, помилуй и не сжигай.
Что делать мне! Свое чело и плечи не украшай.
Сегодня с ланью схожа ты, ты стан свой не расправляй!
Весь мир что лег в тени цинар, прохладой об'ятый—в ней.

В саду твоём звенит бюльбюль и розовый пышен куст.
Под вечер, утром и вовек весь мир без тебя мне пуст.
Проснулся я, вскочил и пью дыханье желанных уст.
На помощь! Гибну! Властный жар, бедою черватый—в ней.

Вновь ранит грудь мою она, все новых я жду невзгод.
Все страждет грудь. Ища лекарств, к прекрасной нашел я ход.
И вот от яр услышал я: «Ко мне приходи раз в год.
Разит певца—все ж камфара любви тороватой—в ней.

Сказали мне—она твердит: «Мне ль пара Саят-Нова?
Он вечно с сазом: лишь поет так яро Саят-Нова».
Есть шелк? так покупатель, знай, «муара» Саят-Нова.
Тайник откроет ли мне яр? шелка непочаты в ней!

Полетим, бюльбюль, с тобою,
Мы по саду кру'гом, кру'гом.
Тут зимой порхал я,—розе
На досаду—кругом, кругом.

Ах, бюльбюль—цветка достиг он,
Страсти языка достиг он.
И тебя, тоска, достиг он
Мчась, рыдая, кругом, кругом.

Соловья от роз прогнал ты,
В тьму грозой угроз прогнал ты,
И меня, без слез, прогнал ты,
Враг, блуждая кругом, кругом.

Строже яр мне не встречалось.
Так скорбеть мне не случалось.
Счастья колесо умчалось,—
В даль стремится кругом, кругом.

Я—Саят-Нова, и яр я
В стойкой страсти. Верен яр я.
Камня отведу ль удар я,—
Вот он мчится кругом, кругом!

Это к нам идет княжна. Кто ее стройней?
Куропатка, ты нежна,—ближе подойди!
Соловей любви моей, пестрый соловей,
Слово молви поскорей,—ближе подойди!

Где же, добрая, твой рай? Злая, весть подай.
И слезам не позволяй литься через край,
Взором лани засверкай, похвалам внимай.
К нам, нарядная, как май, ближе подойди!

Твой Саят-Нова молчит, имя яр таит
И на площадь не влачит горестных обид,
Он удачей позабыт: счастье прочь бежит.
Победи свой робкий стыд, ближе подойди!

Ты кисти Индостана вдохновенье,
Лицом румяна—золото Египта,
Сирень, тюльпана нежное цветенье!
На тополь стана взглянешь—и погиб ты!

Приди, пленяя родинкою черной,
Ты вспыхнула зарей дороги торной,
Ни жив ни мертв я, лишь в тоске покорной,
Взываю, как Лохман*: еще мгновенье!

Газель, ты гибко вытянула шею—
Сладка, как сахар, грацией своею.
Приди, голубка, злую кинь затею,
Не дай Меджнуна испытать мученье!

Не гребнем,—лаской кудри разделю я;
Ты—солнце, жду, как роза, поцелуя,
Я от любви безумствую, ревнуя,
Бахлул* я, чей удел—уединенье.

Саят-Нову разишь ты нежной дланью,
Весь Индостан тебе да будет данью,
Сравнима ты лишь с иракстанской тканью.
Кипр и Хисс отдам за кос плененье.

Схожа с ланью убежавшей от ловца,
Горделива и скромна проходит яр.
Красит родинка атлас ее лица
В пояске золотом, стройна, проходит яр.

Заклеймила и в полон меня взяла,
Цепь любви стальную яр, звеня, взяла,
Солнце яркого лучи у дня взяла,
Как прелестная луна, проходит яр.

На рожденную от феи дочь—взгляни,
Зубы жемчуг, все равны, точь в точь,—взгляни.
Кудри-змеи, а темны как ночь—взгляни.
Змей клубком оплетена, проходит яр.

Раны, горлинка, не береди моей,
Буря, пламя и пожар в груди моей.
Гибель от судьбы ты отведи моей,—
Словно море холодна, проходит яр.

Гиацинт, ковыль—шелка волос ее,
Создал бог подстать ей прелесть кос ее.
Друг Саят-Нова, любви без слез ее
В золотой парче, одна, проходит яр.

О тебе распевал не один ашуг,—
Песнь моя горячей, я сожжен, сожжен.
Ты, свет солнца похитивший лунный круг,
Блеском лунных лучей я сожжен, сожжен.

Обернулась листком золотым луна,
Принеси ты мне полный пинджан вина,
Знаю: мудростью редкой облечена.
Тайной женских затей я сожжен, сожжен.

Как с высоким чинаром тебя сравню,—
Срубят бедный чинар—отдадут огню.
Ты меняешь свой облик сто раз на дню,
Жемчугами речей я сожжен, сожжен.

Я измаян любовью, подай мне весть.
Потерял я рассудок, покой и честь,
Возле губ твоих родинок мне не счесть,—
Черной—цвета ночей—я сожжен, сожжен.

Сердце рвется к моей чаровнице, яр.
Пригвоздила меня ты к темнице, яр,
Ах, Саят-Нова в огневице, яр.
Коль не твой, так ничей. Я сожжен, сожжен.

Розой раскрылась прелесть любимой.
Родинка—роза, щеки—роза, рот—роза.
Ждет соловей любовью томимый.
Снится мне роза, где же роза? Вот роза.

Если ловец ты—спеши за ланью,
Если купец—угождай желанью,
В пышном наряде, сверкаешь тканью—
Вышиты розы: нечет—роза, чет—роза.

Сада царица мной завладела,
Плачу, рыдаю я то и дело,
Сыплешь слова в разговоре смело.
Речь твоя—роза, сладость—роза, мед—роза.

Розовый куст—восхищенье взора,
Знаю—убьешь соловья ты скоро.
Время не тронет красы убора,
Вечно ты—роза: месяц—роза, год—роза.

Если б хоть взглядом ты подарила,
Сердце шипом, как мечом, пронзила,
Пусть бы Саят-Нову ты опалила,
Жаркая—роза, пламя—роза, жжет—роза.

Дрожа предложил я безжалостной яр:
«Твой—сад, мой—куст роз, тень близь тына—твоя».
Посмотрим отдаст ли хозяин свой сад.
«Шамам—твой, мой—нож; грядка тмина—твоя».

Послушайте только, что хочет она:
Сжать в пальчиках дух мой желаньем полна,
Порхать не велит мне над садом,—грозна!
«Твой—розан, бюльбюль—мой, долина—твоя».

В безумство повергла меня западня.
Ты речь свою мечешь как стрелы в меня.
Как выдержит грудь моя столько огня!
Лук—твой, мой—недуг, а кручина—твоя.

Уста твои—сахар, уста твои мед.
Ну кто же, твой лик увидав, не замрет?
Огонь твоей страсти мне крылья сожжет.
Полет—мой, огонь—твой, кончина—моя.

Охотился я,—сокол сети порвал.
Я целился в лань, да в себя я попал.
Саят-Нова сладостно так прошептал:
«Твой—сахар, шербет—мой,—половина—твоя».

Кровью давнишняя рана сочится,
Старая рана,—я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой
В самое сердце ты, клюнула, птица,
Старая рана,—я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

Словно Меджнун я истерзан кручиной,
Связан я с розой судьбой соловьиной,
Каждый болеет, но раной старинной
Мучусь иначе,—я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

Больше не весел я,—предан печали,
Легче с годами терзанья не стали,
Снадобья пробовал—не помогали,
Издавна болен, я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

Милой писал я—пропало посланье.
Рана раскрылась—ужасно страданье.
Лекарь не лечит—к чему, мол, старанье!
Старая рана,—я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

Многое читано Саят-Новою,—
Все позабыл он, поник головою,
Тщетно он лечится мазью, травой.
Старая рана,—я ранен голубкой, злою голубкой,
жестокой голубкой.

В когтях тоски забыта жизнь моя,
Но света ждет в ночи Саят-Нова.
Потоком слез омыта жизнь моя,
Кто скажет: замолчи, Саят-Нова?

Благословенной скромность назови,
С нее покровов детских не сорви.
Когда плывешь ты по морю любви
Челна не промочи, Саят-Нова!

Все в ранах сердце, ноешь ты о ком?
Ты на свече сгорело мотыльком.
Убей газель, искусным будь стрелком,
И на плечах влачи, Саят-Нова!

Ты с азбукой знаком, ты грамотей,
Стихи для милой золотом расшей.
Яр потерял,—ищи других страстей.
У бога все ключи, Саят-Нова.

Бессмертной влаги взял у музыки ты.
Огонь потух, сосуды все пусты.
Ты прожил тридцать лет средь темноты,—
Недуг свой излечи, Саят-Нова.

Глянь на грудь мою,—не кровь ли все течет, все течет!
Я измучился, все жду я нежной яр, милой яр.
День и ночь она мне душу все влечет, все влечет.
Я измучился все жду я нежной яр, милой яр.

Ну скажи мне, что я сделал, в чем вина, в чем вина?
Это сердце отдал милой я навек, я сполна.
Как Бахлул в сетях уснул я, и в душе ты одна.
Я измучился, все жду я нежной яр, милой яр.

Заболел я, а лекарства не найти, не найти.
Чтоб избегнуть бед любовных не обрел я пути.
Мчится уточка к озерам, мне не в мочь к ней пройти.
Я измучился все жду я нежной яр, милой яр.

Стал пловцем я, в волнах моря я поплыл, я поплыл.
Как Фархад горел,—и в скалы ударял, что есть сил.
Как Меджнун, к Лейле взывая, по пескам я бродил.
Я измучился, все жду я нежной яр, милой яр.

Вся в крови, как видно, печень,—и горит, и горит.
Вскрыто сердце и из сердца путь для крови открыт.
И Саят-Нова рыдает и твердит, говорит:
—Я измучился, все жду я нежной яр, милой яр.

Весть пришла от яр прелестной: «Ни приветам»,—говорит,
«Ни слезам его не внемлю, ни обетам!»—говорит,
«О моих сердечных тайнах с целым светом», говорит,—
«Все равно мне, что случится с тем поэтом!»—говорит.

Брови яр—тугие луки, а ресницы—стрел грозней;
Вдалеке она гуляет, с милой—встретиться не смей!
Эй, друзья, кто горе мыкал? Что вы скажете о ней?
Молвишь: «Здравствуй!»—отвернется, «Что мне в этом?»—
говорит.

Соловей безумный страждет, в тяжких ранах грудь певца:
В мире этом у красавиц—беспощадные сердца.
Твой Саят-Нова погибнет, но до смертного конца
Он твоим любимым будет!—«Нет уж, где там!»—говорит.

Не поведаю миру моих скорбей,
С прошением перед султаншей стою:
Пусть решит справедливо: коль есть вина—
Веревку накинёт на шею мою.

Если впрямь на бумагу твой взор упал,
Ты,—единственный мой бадахшанский лал,—
Разгадай, что я в жалобе написал:
—Я в жертву любимой себя отдаю.

Увядает на камне безводном—цвет;
Нет в светильнике масла—погаснет свет;
Дела глупой вороне до розы—нет;
Без розы не жить одному соловью.

Кто решил через море пуститься в брод,
Понапрасну героем себя сочтет;
Кто за доброе—злобою воздаёт,
Лишится почета в родимом краю.

По заветам былых мастеров живу,
Потому и влюбленным певцом слыву.
Попеченью могилы— Саят-Нову
Предайте, оплавав кончину мою.

1753 г.

«Мир—ничто»—мне кто то шепчет меж ветвей.
Петь, играть, мечтать о пире я страшусь.
Ах, в гнездо свое умчится соловей.
Сирой клетки, птах в эфире я страшусь.

Смертный час натянет лук,—и в свой черед
Мир души твоей, нагрянув, рассечет,
Струны сердца твоего переберет—
Игрока на этой лире я страшусь.

Смертный час придет и встанет надо мной,
Мне минуты не подарит ни одной,
Шелк возьмет, заменит скудной пеленой.
Этих мен в подлунной шири я страшусь.

Но «купец» без спроса в двери постучит,
Он с болящим телом душу разлучит.
Пять аршин он мне полотнища всучит.
И его всех больше в мире я страшусь.

Говорит Саят-Нова: беда идет.
Вы, грешившие! Она сюда идет!
Боже милостивый, час—мзда идет!
Взвесят грех. Весов и гири я страшусь.

Охотнику оленя не настичь,
Такого, что сдирает шкуру льва.
В капкан скорее попадетсЯ дичь,—
Сильнее в мире хитрости права.

Есть люди у которых ум в ногах.
Невежды, чей неверен каждый шаг.
Есть змеи* прячущие хвост в ушах,—
Ничто им заклинателей слова.

Лишь мудрый зодчий возведет чертог,
Он должен знать всему черед и срок.
Ашуг ты то же, что лихой стрелок.
Без масла жарить—зря палить дрова.

Все на любовь летят, как мотыльки,
Увы... любви дороги нележки,
Ширин пленилась музыкой кирки*,
—К чему бить скалы?!— говорит молва.

Где Шах Надир*, католикос Казар*,
Меликом бывший властный Минишкар*,
Где ныне правый суд, а не базар?
Их нет, увы... Как быть. Саят-Нове?

Порой любовь другую—хочу найти,
Но споры и раздоры—придут, уйдут!
На милую и злую—взглянуть боюсь:
Насмешливые взоры—придут, уйдут.

Я стал золой и жаром: пришел мой час.
Ты, скромница, недаром не кажешь глаз:
С другим смеешься яром?,—пускай для вас
Весна и счастье в горы—придут, уйдут!

Твой род благословенный—храни творец!
Чей стих тебя достоин, какой венец?
Туда, где ты заплачешь, придет певец,
Согласных сазов хоры—придут, уйдут.

Терзаюсь: ты нужна мне, любовь моя,
Жизнь разобью о камни, любовь моя.
Клялась, так будь верна мне, любовь моя,
Иль дни твои, как воры—придут, уйдут!

Саят-Нове покоя не знать, пока
Над ним кинжал заносит твоя рука.
О, пощади, голубка! Пускай тоска
И злой виновник ссоры—придут, уйдут!

Какую ты преследовала цель,
Когда в тот миг уста твои молчали?
Я болен, яр. Твои глаза—ужель
Моих кровавых слез не замечали?

Приди, взгляни, метни в меня копьё!
Я сам подставлю грудь под острие.
Скажи, зачем, сокровище мое,
Конец любви пришел в ее начале?

Джан, отзовись на мой протяжный стон,—
Ты выжимаешь сердце, как лимон,
Я на позор тобою обречен,—
Когда певцу бесчестие прощали?

В моем краю мелькнула джан, как тень.
Не оживет застреленный олень.
Без добрых дел проходит долгий день.
Я по своей вине томлюсь в печали.

Саят-Нова сказал:—Я на свечу,
Как бабочка влюбленная, лечу,
В огне любви я так сгореть хочу,
Чтоб искры яр мою не обжигали!—

Из-за тебя, красавица, в морях страстей—погибну,
Из-за очей, и стрел ресниц, и дуг бровей—погибну;
Одной улыбкой розовой, как соловей, прельщенный,
Из-за цветенья белого груди твоей—погибну.

Смотри: я стал язычником, душа, как пламень, стала;
Я сохранил достоинство, изведав бед немало;
Одну печаль я выгадал, купец без капитала;
В объятых горя жгучего, в плену скорбей—погибну.

Я в Грузии, среди князей, напрасно жизнь растрочу.
У яр душа темна, как ночь,—и вот—я кровью плачу.
Сберег я честь народную, клеймо бесчестья прячу,—
Из-за любви—Саят-Нова—в расцвете дней—погибну.

С поникшей головой, в цепях
Я—пленник твой, любимая.
Вот я у ног твоих, я—прах,
Я—пленник твой, любимая.

Ты свет у солнца отняла,
Твой луч—горючая стрела,—
Сгорят мои глаза до тла,
Я—пленник твой, любимая.

Я ранен, я умру в бреду,
С ума сойду, с ума сойду,
В твоих цепях к тебе приду,—
Я—пленник твой, любимая.

Молю—скиталец— соловей—
О, пригвозди меня скорей
У запертых твоих дверей,—
Я—пленник твой, любимая.

Ты—роза, джан, а я—трава.
Смотри: я мертв, а ты—жива.
— Клянусь,—поет Саят-Нова,
— Я—пленник твой, любимая!

Вы послушайте, что молвит вам ваш раб.
Многих сладостных певцов—о горе!—нет:
Много их в мир приходило и ушло.
Многих певших о любимом взоре—нет.

Все ушли, любовных слов не дождались.
Их сомкнулись рты, плодов не дождались.
Искандера сны миров не дождались
И парфир, да и парчи в узоре—нет.

И с жезлом своим, в пределы птичьих стай,
Моисей поднялся на гору Синай.
Озарил огнем он весь подлунный край
Но огня, что мог бы сжечь и море—нет.

Снова раны мои кровью потекут,
Коль друзья меня погибнувшим сочтут
И сородичи, забыв меня, уйдут...
Горе! Матери в подлунном хоре—нет.

Вами мудрым каждый назван пустозвон.
И юнец у вас почетом облачен.
Обратитесь вы к Саят-Нове,—но он
Скажет: «В путь!»—и вот его уж вскорее—нет.

Яр, отдай мне твои огорченья все,
Чаровница жестокая, приходи!
Дай прильнуть к расплетенной твоей косе.
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Раб смиренный, я клятву тебе даю:
В мире суетном только тебя пою.
Вот—молю повелительницу мою:
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Что за горе мою заклеимило грудь?
Краше райского сада у милой грудь.
Красота мимолетна. Добрее будь,
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Кто подымет столь тяжкое бремя бед?
Яр, я твой! От печали защиты нет,
В смертный час не придет мне на помощь свет.
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

Дар—от муз. Плачет саз и летят слова.
Взял от пламени пламя Саят-Нова,
И горит, и скорбит, и поет едва:
Чаровница жестокая, приходи,
Черноокая, приходи!

1754 г.

Саят-Нова:

Ты спросишь о своем рабе, а я отвечу:
О камни бьется головой Саят-Нова,
Огнем горит его душа, покинув тело,
В слезах скорбит полуживой Саят-Нова.

Яр:

Твоей ли яр не угадать твоих страданий?
Не плачь в полночной тишине, Саят-Нова,
Я, и с другими говоря, с тобою сердцем,
Не мучься, не тоскуй по мне, Саят-Нова!

Саят-Нова:

Твой взор ловлю и слезы лью: умру от жажды.
Плоды взрастил в том краю—умру от жажды.
Томленье смертное таю: умру от жажды.
Спроси: а где наперсник твой, Саят-Нова.

Яр:

Грозит бедой недобрый час—и нет спасенья!
Мой соловей умрет сейчас— и нет спасенья!
Меня позорит громкий саз—и нет спасенья:
Безумен по моей вине Саят-Нова.

Саят-Нова:

Что делать мне, когда печаль меня тиранит?
Тоска по яр, как злая сталь, мне сердце ранит.

Обету изменить мне жаль—и жертвой станет,
И ляжет под ноги травой Саят-Нова.

Яр:

Я и сама бы к твоему пришла порогу—
Злословью страшно указать мою дорогу.
О том, чтоб мне твоею стать—взываю к богу,—
Так не терзайся хоть во сне, Саят-Нова!

Саят-Нова:

На хлеб да соль глядит гордец, почета хочет,
Кровавых ран прямой боец без счета хочет,
Желанной горлицы певец прилета хочет,
Иль вспыхнет пылью огневой—Саят-Нова.

Яр:

Не я ли яр, не ты ли мой—учитель мудрый?
Осуществи закон земной, учитель мудрый:
Я—твой светильник золотой, учитель мудрый,
Будь мотыльком в моем огне, Саят-Нова

Саят-Нова:

Ты, сердце, бедный сумасброд, скорбя, изныло.
Какой озноб тебя берет! Иль ты забыло,
Как прославлял певца народ? Зачем для милой
Ступил на этот путь кривой, Саят-Нова?

Яр:

Кто изобрел слова для нас—моя и мой?
Пусть мать меня в закатный час не ждет домой.
Я—Шахсенем, отрада глаз. С вечерней тьмой
Владыкой стань в моей стране, Саят-Нова!

1756 г.

Яр, мук терпеть не стану, нету силы.
Не ты-ль мне жилы вскрыла—пожалей!
Перевяжи мне рану, нету силы.
Рука мне изменила, пожалей!

Я жертва кос, обрызганных росой,
Брел в полнолуние лунной полосой,
На огонек летел, пленен красою,
Ты мотыльку светила—пожалей!

Подстреленный олень я,—скал не вижу.
Где кравчий? Я вина искал, не вижу.
Сад соловьиный темен стал—не вижу.
Бутоны червь—могила, пожалей!

Двух родинок у влажных уст я жажду,
Дай меда ласки, кубок пуст я жажду.
Той шали, что как в розах куст, я жажду,
Парчей ты день затмила, пожалей!

Ах, вступит скорбь в свои права однажды,
Ужалят в сердце яр слова однажды.
Есть божий раб Саят-Нова. Однажды
Того, кого сгубила, пожалей.

1758 г.

Взываю к господе, судьбы злой приговор найдя, найдя.
Отрынь, господь, мою беду, беде отпор найдя, найдя.

Сберечь вино твое не смог.
Я стал от родины далек.
Я пал в огонь, как мотылек,
Себе костер найдя, найдя.

И край чужой, что мне предстал,
Мне слать печали не устал..
Я, как Фархад, несчастным стал,
Твердыню гор найдя, найдя.

Охотник я,—да где простор?
Для дикой утки нет озер!
Бюльбюль я, плачу: тлю, до сор—
Не раз узор—найдя, найдя.

Саят-Нова я, я—без сил.
Я пал, я страсть к тебе вкусил.
Ствол дней своих я подкосил,
Твой милый взор найдя, найдя.

Дикий мак, затесавшись в прелестный цветник,
В нем себя, загордясь, небесправным сочтет.
И не зная о розе, мечтой соловья,
Он себя в заблужденьи забавном сочтет.

Кто даст нищим дворец? не возьму это в толк!
Обращается ль холст,—как ни крась его— в шелк?
Я стенаю предвидя—нет, стон мой не смолк!—
Каждый встречный себя скоро славным сочтет.

Что за стрелы, что ранят без крови и ран?
Есть и птица «красильщик»—да где ее чан?
Неуч, если ему дар злоречия дан,
С человеком себя также равным сочтет.

Сходства ищут иные с собою в горах,
Да нагрянувший ветер разносит их прах.
А другой,—хоть червяк пораждает в нем страх,
Против чудищ мечом себя главным сочтет!

Сердце! Страсти безумной смиришь ль порыв?
Погрузилось ты в страсть, мою грудь заклеив.
Плачет, плачет Саят. Ныне, льва победив,
И лисица царем себя явным сочтет!

Да будут смертному слова мои ясны:
Знай солнце в небе до зари не встанет.
Друзья, бегите прочь от козней сатаны,
Чужой пусть в двери сердца не заглянет.

Лампаду правды жги, а серу затуши,
Блюди спокойствие и чистоту души,
Язык нам богом дан,—злословьем не греши,
Двух струй из одного ключа не прядет.

В народе говорят: племянник с дядей схож,
Чинар плодов не даст, зато высок, пригож.
Имеет корень все и ты в свой род идешь.
Корицей пшат* благоухать не станет.

По сердцу друга мне я в мире не найду,
И, сетуя, кричу всем про свою беду.
Не рыл соседям ям и сам не попаду.
Пусть я сгорю, а правда не обманет.

Саят-Нова твердит: себя от бурь укрой,
Что буря сделает с высокою горой?
На камне прочном ты очаг души построй.
Ковчегом он в потоп всплывет,—не канет

Я лишь слуга ашугов искушенных,
Я тот, кто чтит судьбою обойденных.
И я мудрей тобой со мной сравненных,
Я тот, кто даст ученикам познание.

Кто смел, тот людям правду скажет просто.
В душе любовь, взростая, жаждет роста.
Бед восемьдесят у меня... нет!.. до ста!
Я тот, чья жизнь и чья душа—страдание.

Беря плоды—их обаяние ведай.
Беря коралл—его название ведай.
Саят-Нову, его создания ведай;
Я тот, кто—свет, но кто не знал признания.

Благословен строитель, возведший мост!
С ним камень свой прохожий в лад положит.
Народу жизнь я отдал,—за это мне
Могильную плиту мой брат положит.

Кто сердцем благороден, душой высок,
Сорвет, воспрянув гордо, оковы с ног;
А наш герой отыщет свинца кусок—
На стол купца, удаче рад, положит.

Труба слепого рока о том поет,
Что потерял достаток почтенный род,—
А кто нуждался в шерсти, сегодня тот
Парчи да шелка в скрыню клад положит.

Добро и зло, мой боже, раз'едини!
От деспота лихого—оборони!
Не на врага в обиде я в эти дни:
Любимый друг мне в чашу яд положит.

Вы, соловьи без вдохновенья, кому нужны?
Пройдет любовь—ее мученья кому нужны?
Саят-Новы стихотворенья—кому нужны?—
Теперь любой созвучья в ряд положит.

1758 г.

Невыносимым стал мне песенный мой дар.
Я словно связан, рук лишен как будто.
Мой разум отлетел, в груди моей пожар,
А люди скажут: он умен, как будто!

Наперекор всему я к хлебу соль достал,
Со дна морей песок,—взглянуть изволь—
достал.

К одной болезни сто, усилив боль достал.
В них корень, в них и зелень крон, как будто.

Да смиляется бог над мастера душой!
Сырою веткою горю в степи сухой.
На сердце уголек упал в ночи глухой,—
Огнем я мечен, заклею, как будто.

Кровь глаз моих с водой реки смешал я,
И день и ночь от боли чуть дышал я.
Как мотылек на край свечи упал я,
Промасленный со всех сторон как будто.

Безумцем стал, дышу любви угаром
А ты восторг мой треплешь по базарам
И говорят прохожие недаром:
Саят-Нова, мол, опьянен как будто.

1758 г.

Мне ангелом любовь дана,
Горю, в ее глубинах тая.
Ах, косы заплела она
В них золотую нить вплетая,
вплетая, вплетая.

Тебе все песни вновь отдам,
Весь мир—не прекословь, отдам,
Настанет час—всю кровь отдам
За очи, что горят, сверкая,
сверкая, сверкая.

В сад соловьем я залетел,
Коснуться розы захотел,
Обжегся я,—не доглядел,
Любовью я об'ят без края,
без края, без края.

Осиротелым соловьем
Без розы плачу день за днем.
Мешаешь ты бальзам с огнем,
Чтоб к ране приложить. О, злая,
о злая, о злая!

Строгает бедный гроб столяр,
Готовит смерть свой страшный дар,
Меня дворцы не слышат, яр,—
Скорбит Саят-Нова взывая,
взывая, взывая.

Темнеет мир в сердце моем,
Когда твой взор мне не горит.
Ну где такой лик мы найдем,
Если резец не начертит, не начертит,
не начертит.

Хоть блещет роз ярких гряда,
Ты всех милей будешь всегда.
Мне сахар всласть будет,—когда
С розовым ртом будет он слит, будет он слит,
будет он слит.

Любовью пьян, весь я в огне.
Глядеть позволь досыта мне.
Зачем же, яр, ты в стороне,
Коль на тебя взор мой глядит, взор мой глядит,
взор мой глядит.

Ценней тебя клада не зрим.
Мой долог плен, свыкся я с ним.
Змеиться ль, яр, косам твоим,
Если в их мрак жемчуг не ввит, жемчуг не ввит,
жемчуг не ввит.

Меня ль поймать черной косой,
Коль нет в ночи розы со мной?
Тебе ль цвести светлой весной,
Если Саят не приютит, не приютит,
не приютит.

1758 г.

От любви мне дышать невмочь,
Жар в крови, сам себе не рад.
Кудри милой черны, как ночь.
Ты с утра фиалковый сад поливала,
поливала, поливала.

Заблудившийся соловей,
Не сыщу я родных ветвей,
Обесславлен молвой людей.
А себя ты пред ней стократ оправдала,
оправдала, оправдала.

Виночерпица, дай вина!
Жизнь моя тебе отдана.
Наковальня раскалена,
В горне сердца ты жаркий ад раздувала,
раздувала, раздувала.

Дай сказать, погоди чуть-чуть,
О желанной вздыхает грудь,
Кровью застлан взор—не взглянуть!
Жжет мне грудь—так клеймом клеймят—жар металла,
жар металла, жар металла.

Я в тоске и слезах живу.
Я стрелой твой язык зову
Для чего ты Саят-Нову,—
Пред тобой он не виноват,—наказала,
наказала, наказала?

Смерть придет ко мне незванно,—и себе я кров ищу.
Для злокозненных и низких я клянущих слов ищу.
Что мне помнить о минувшем! Новых берегов ищу.
Мир усопшим! Тех, кто ныне мне внимать готов—ищу.

Я—певец любви. Откуда этот дар ниспослан мне?
Он мой разум жжет как пламя, а ведь я и так в огне.
Мирно мать моя покойся ты в загробной тишине!
С молоком свой дар впитал я. Млечных я ручьев ищу.

Как и мельницы, напевы не завертятся без вод.
Песнь меня в безумье ввергнет, вмиг мой разум разорвет.
В розы сердце обратилось, в лепестковый хоровод.
Не всегда цену я знатных, в друге не чинов ищу.

Я попал в любви пучину, я чуть сдерживаю крик.
Вот я чувствую: без сил я, воют волны, скроют вмиг.
В песнях и четвертой доли мастерства я не достиг.
Ученик я, чтоб учиться, лучших мастеров ищу.

Песнопенье словно пламя, сердце все мое сожгло.
Душу, тело мне сжигает, разум вихрем унесло.
Плачь Саят-Нова безумный, проклинай ты это зло.
От невнемлющих не сгину. В мире свой улов ищу.

1758 г.

Этот—друг твой, а та вот—улада ночей.
Этот—в розах, а тот—меж колючих ветвей.
Этот—лишь попугай, ну а тот соловей.
Этот—сахар вкушает, а тот—«ляблябу».

Этот—все веселится, тот—горестью пьян.
Этот—взял золотник, а вон тот—взял батман.
Здесь различные судьбы раскинули стан:
Этот—жизни исполнен, тот бедный—в гробу.

Этот—в полном достатке, тот—нищ, словномышь.
Этот тянет вино, тот—глотаешашиш.
Этот—с сазом бредет, тот вон с цитрой, глядишь.
Этот—празднует пир, тот—кусает губу.

Этот—спит, тот—подушек и не обнимал.
Этот—трезв, тот вон в винах, знатъ, толк понимал.
Этот—руку расшиб, тот—он ногу сломал.
Этот—мазь от ушибов размазал на лбу.

Где ж родился Саят? Сказал тот:—Хамадан,
Этот—Инд. Нет, отец мой из дальних был стран:
Жил в Алеппо: а мать—авлабарка; мне дан
Свет в Тбилиси—свою в нем нашел я судьбу.

Слова великих мудрецов—
Свет, им ниспосланный с вершин,
Как струны стройные должны
Они звучать среди долин.

Лишь друг твой помнит о судьбе
Твоей и о твоей алчбе.
Как зубы—телу, так—тебе
Он помогает, он один.

Я плачу в горести разлук.
Бреду, ищу, гляжу вокрут.
Для друга неподкушный друг,—
Целенье всех его кручин.

Герой в дали любых краев
Превыше тысячи купцов.
И если честь его покров,—
Его наполнится овин.

Тем, кто с рассветом на восток
Не взглянет,—это им не впрок.
Саят-Нова от них далек.
Он в вере тверд, он—армянин.
1758 г.

Хоть мастер опытный, весьма искусен ты,—
О том, что золотом заткали говорят.
Увидев золотом расшитые шелка,
Про ткань индийскую едва ли говорят.

Не знает горя тот, кто истину блюдет.
Пусть продает он шелк, пусть холст он продает.
Не о камнях, что спят во тьме земных пород,
О тех, что строем стен предстали, говорят.

Как речь у мастера быть может не стройна?
Нет, без добычи быть охота не должна!
Брось иву, для огня нужна ведь не она!
Лишь о сверкающей нам стали говорят.

Краса красавицы в руне ее кудрей.
Благовоспитанность— добротный шелк мужей.
В нечестном—яд: о том, чей ясен блеск очей,
Кто не нуждается в забрале— говорят.

У множества певцов любовный жар в крови.
Влюбленный—в горестях, как радость ни зови.
В Тбилиси, у грузин, поборником любви
Тебя, Саят-Нова, называли—говорят.

Весь этот мир—лишь суета. Что край беды припоминать?
Сгорает смертный, как огонь. Чтож нам прошедшего желать?
Коль светоч истин угашу, то сам не буду я пылать.
От смертной чаши в судный день рта не смогу я оторвать.
Певунья сердца улетит, увядшей розе не дышать.

Мир—плод в руке творца,—и я прошу, склоняясь у божьих ног:
«Возьми на длань свою меня, чтобы припасть к тебе я смог.
Во мне и суша и вода, не расплетай же мой клубок».
О сын Адама, ты творца не покидай: ты одинок.
Последний сон сойдет к тебе,—и век тебе не приподнять.

Все мудрецы, увидев мир, его сторонкой обошли,—
Так соловей в завоях роз не хочет и коснуться тли.
Не утверждай нам этот мир, в нем жизни вечной не сули:
Мир в море каплями течет, глянь,—в море капли утекли.
Коль правду молвлю обо всем—стыда пред истиной не знать.

Эй, вы, аги! Придет беда,—огонь каких еще горнил!
В миру ином не различат—агой ли был, рабом ли жил.
Отнимет розу у тебя приказом бога Гавриил.
Язык мне режьте, коль я лжи хоть малость вам наговорил;
Бог—надо мной, под богом—я,—и лжи мне не провозглашать.

Бог правит. Семьдесят и два в его руке народа есть.
Пророков—жизни вожаков—есть триста шестьдесят и шесть.
О том, что как певец Давид в раю я буду—есть мне весть.
Саят-Нова, твой караван пошел—идет куда ни весть.
Живите в благе! Ухожу,—и ног не поверну я вспять.

Խաղող եկա՛մ,
 Արող գնաց Սայաթնո՛ւն.
 Երգող եկա՛մ,
 Վերջող գնաց Սայաթնո՛ւն.
 Սիրող եկա՛մ,
 Սրող գնաց Սայաթնո՛ւն,
 Սիրող ճնաց Սայաթնո՛ւն +

Սե. Կյուրաճյան

Երգ. Թաճարյան

С Л О В А Р Ъ

- Абаш** — Абиссиния.
- Алеппо** — город в Сирии, откуда был отец Саят-Новы.
- «Ани» и «вини»** — последняя и предпоследняя буквы слова «Нова»
- Араз** — Аракс — река в Армении.
- Арабстан** — Аравия.
- Асмавур** — армянская церковная книга.
- Батман** — мера веса (около пол пуда).
- Баритавур** — форма восточного стихотворения.
- Бюльбюль** — соловей.
- Векил** — представитель, опекун, заместитель.
- Визир** — первый министр в восточных государствах.
- Гилян** — район в Иране, недалеко от Каспийского моря.
- Гали-голи** — игра.
- Гулабдан** — специальный сосуд для хранения розовой душистой воды.
- Гурген-хан** — Саят-Нова называет себя слугой Гурген-хана. Гурген-ханом называли грузинского царя Георгия, который родился в 1740-ых годах. Гурген-ханом называли тогда и знаменитого полководца-армянина, Григора Арутюняна, который возглавлял борьбу индийцев против английских колонизаторов (в 1740—1760 годах). Из рода Гургенов был так же Надир-шах. Какого Гурген-хана имеет ввиду Саят-Нова в своем стихотворении определить пока трудно.
- Гюлистан** — сад роз.
- Гюмушхана** — знаменитые серебряные рудники в Турции, южнее г. Трапизона. Дословно значит — серебряные рудники.
- Джан** — милая, любимая, ласкательное слово. (дословно — означает «душа», а также — «тело».)
- Джанум** — душа моя, дорогая.
- Джаваир** — бриллиант.
- Джейран** — лань.
- Дочь царя** — в оригинале трудно различить слова поэта обращены к царю, или к царской дочери (т.к. в армянском языке нет родов). Поэтому некоторые исследователи думали что в данном стихотворении Саят-Нова обращается к царю Ираклию II-ому, а другие думают, что слова поэта обращены к сестре Ираклия, к грузинской царевне Анне. В своем переводе В. Брюсов очевидно исходит из второго толкования.
- Залум** — безжалостный — ая.
- Змеи прячущие хвост в ушах** — по поверью умные змеи, чтобы не

поддаться очарованию игры или песни факиров, закрывают уши концом хвоста.

Зурна— духовой музыкальный инструмент.

Измир— город в западной части Малой Азии, на берегу Эгейского моря. В этом городе издавна жила армянская колония и имела развитую культурную жизнь. Возможно Саят-Нова побывал в тех краях.

Иракий II— знаменитый царь, полководец и государственный деятель Грузии в XVIII-ом веке (царств. с 1744—1798 г.). Саят-Нова был дворцовым поэтом у Иракия в середине XVIII в.

Искандер— Александр Македонский.

Казар католикос— армянский католикос, который скончался в 1751 году.

Калат— городок в Хорасане— в Персии.

Каламкар— тонкая шелковая материя, разрисованная разноцветными красками.

Каманча— музыкальный струнный инструмент, отдельные части которого называются: «ушко», «голова», «чрево», «железо» и т. д. Каманча является самым сложным, наиболее усовершенствованным инструментом восточной музыки. Среди ашугов, певцов, был установлен порядок, что при соревнованиях победительный ашуг отдавал свою каманчу победителю.

Кариб— странник, скиталец—ашуг, герой народных сказов, где описывается преданная любовь Кариба к любимой Шахсанам.

Ковер царей— драгоценная материя, которую расстилают под ноги почетным гостям.

Лал— рубин.

Ляблябу— жареный горох, а также вареная свекла.

Лейла— см. Меджнун.

Лохман— восточный легендарный, мудрый врач.

Маранд— знаменитый торговый город Персии в XVIII веке.

Матах— жертва.

Меджлис— собрание, а также пир, пирование.

Меджнун— герой поэмы Низами Гянджеви, Физули и Навои—символ неизменной любви.

Минишкар— городской голова гор. Тбилиси.

Мтквари— река Кура.

Набат— кристаллы топленого сахара, лакомство.

Назани— красавица.

Назир— министр, высший чиновник при дворе.

Паргал— ножницы.

Падишах— царь.

Пинджан— сосуд, фиал.

Пранги или франги— французский, а также— европейский.

Прангистан— Франция или Европа.

Пшат— вид фруктового дерева, распространенного в Армении: имеет приятный аромат.

«Пятнышко на лице»— родинка, которая считалась признаком красоты.

Рахип— разлучник.

Раш— конь Ростомы, главного героя поэмы «Шах-Намэ» Фирдоуси.

Рехан— ароматическая съедобная трава, с красивыми листьями.

Ростом или Руستم— сын Зала— главный герой поэмы «Шах-Намэ» Фирдоуси.

Садовник— то есть влюбленный, возлюбленный, традиционное уподобление.

Саз— народный музыкальный инструмент.

Сазандар музыкант, играющий на восточных струнных инструментах.

Самшит— кавказская пальма.

Сантур— трехугольный плоский музыкальный инструмент с множеством струн.

Сарисар шелк.

Сардар— персидский военачальник.

Скандар-Зулхар— Александр Македонский.

Сойбат— приятная беседа.

Сусамбар— растение с ароматными листьями.

Тар— музыкальный инструмент.

Трон павлиний— драгоценнейший трон индийского Могола, который был разукрашен также павлиньими перьями.

Фахрад— см. Ширин.

Цахказард— начало весны. Праздник цветения.

Шам— Дамаск.

Шамам— род маленьких ароматических дынь, обычное сравнение для женской груди.

Шах-Аббас (1587—1628)— крупнейший из иранских шахов династии Сефевидов.

Шах-Надир— знаменитый персидский шах (1736—1747 г.).

Шахатан— вид мелодии.

Шакар— сахар.

Шахиб— придворный.

Шахсанам— см. Кариб.

Ширин и **Фахрад**— восточная поэма о любви. Ширин возлюбленная Фахрада, который, желая взглянуть на нее мотыгой прорыл гору.

Шушан— лилия.

Яр— возлюбленный, возлюбленная.

О Г Л А В Л Е Н И Е

I. А Р М Я Н С К И Е С Т И Х И

	Стр
1. Из всех людьми хваленых лир...—Перев. В. Я. Брюсова	1
2. Рисунок лучших мастеров...—Перев. С. Шервинского	2
3. Как соловей, томилась ты...—Перев. С. Шервинского	3
4. Красива очень Шахатан...—Перев. С. Шервинского	5
5. Не плачь, о джан...—Перев. К. Липскерова	6
6. Склони свой слух, баритавур...—Перев. С. Шервинского	7
7. Ты—узоры парчи, ты как золото ткани...—Перев. К. Липскерова	11
8. Я—на чужбине соловей...—Перев. В. Я. Брюсова	12
9. Откуда ты?...—Перев. В. Я. Брюсова	13
10. Твой силей ум...—Перев. В. Я. Брюсова	14
11. С бесценным камнем джаванр...—Перев. С. Шервинского	15
12. Цынке милую мою...—Перев. В. Я. Брюсова	16
13. Так жить хочу, чтоб каждым днем...—Перев. К. Липскерова	17
14. Ты, безумное сердце...—Перев. Е. Я. Брюсова	18
15. Ты—как сирена...—Перев. М. Лозинского	19
16. Страсть—огонь горящий...—Перев. Ю. Верховского	20
17. Отраден голос твой...—Перев. М. Лозинского	21
18. Мне люди скажут...—Перев. С. Шервинского	22
19. Что без тебя сойбат мне...—Перев. С. Шервинского	23
20. Твой волос—смоченный рехан...—Перев. С. Шервинского	24
21. Друг, ты попал в сети любви...—Перев. В. К. Звягинцевой	25
22. Я в жизни вздоха не издам...—Перев. Е. Я. Брюсова	26
23. Лишь знать, как много лет тебе...—Перев. С. Шервинского	27
24. Ах, не нужен мне лекарь...—Перев. В. К. Звягинцевой	28
25. Меджун я, тоской томимый...—Перев. В. К. Звягинцевой	30
26. От любви, как Меджун горю...—Перев. В. К. Звягинцевой	31
27. Жив доколь я, джан...—Перев. С. Шервинского	32
28. Чужбина—мука соловья...—Перев. В. Я. Брюсова	33
29. Внемли: проникнуты слова мой мольбой...—Перев. С. Шервинского	34
30. Ах, почему мой влажен глаз...—Перев. Е. Я. Брюсова	35
31. Ты ярче сбруи золотой...—Перев. М. Лозинского	36
32. Я был в Абаше...—Перев. М. Лозинского	37
33. Я болен от любви...—Перев. М. Лозинского	38
34. Угодиво, народный раб...—Перев. В. Я. Брюсова	39
35. Меня ты ранишь без пожа...—Перев. С. Шервинского	40
36. Яр, никогда не знай беды...—Перев. С. Шервинского	41
37. Я ждал, я пролил столько слез...—Перев. А. Тарковского	42
38. Пусть отвесят мне кораллов...—Перев. В. К. Звягинцевой	43
39. Не убивай, не утолив...—Перев. С. Шервинского	44
40. Ты—джаванр индийских стран...—Перев. Ю. Верховского	45
41. Нахмуря взор, насуня бровь...—Перев. Ю. Верховского	46
42. Ушел Фархад...—Перев. В. К. Звягинцевой	47
43. Роза шлет весть соловью...—Перев. Е. К. Звягинцевой	48
44. Наш мир—окно...—Перев. С. Шервинского	49
45. Меня и милую мою...—Перев. В. Я. Брюсова	50

II. ГРУЗИНСКИЕ СТИХИ

1. То, что бархат я, что шелк я...—Перев. К. Липскерова	51
2. Ты розы вскормлена соском...—Перев. К. Липскерова	52
3. О приди, я твой...—Перев. А. Тарковского	54
4. Милая, давным давно в сердце мне запала ты...—Перев. А. Тарковского	54
5. В саду возлюбленной капул мой разум...—Перев. К. Липскерова	55
6. В соловьях нет недостатка...—Перев. К. Липскерова	56
7. Говорю с тобой затем я...—Перев. К. Липскерова	57
8. Я—твой раб...—Перев. К. Липскерова	58
9. Ты источник песен...—Перев. К. Липскерова	59
10. Хороша ты в златоткани...—Перев. К. Липскерова	60
11. Твоего бы дожидаться прихода...—Перев. К. Липскерова	61
12. Как звезды ночных небес...—Перев. К. Липскерова	62
13. Слова „нет“ не скажут милым...—Перев. К. Липскерова	63
14. Я был сыт...—Перев. К. Липскерова	64
15. Миру твой царственный облик на диво...—Перев. А. Тарковского	65
16. Прок ли в том...—Перев. К. Липскерова	66
17. Кто море звездным сожжет сияньем...—Перев. К. Липскерова	67
18. В саду закричал поугай...—Перев. К. Липскерова	68
19. Среди двух селений...—Перев. К. Липскерова	69
20. Иной, расслабленный...—Перев. К. Липскерова	70
21. Кто завидует соседу...—Перев. К. Липскерова	71
22. Ты, что Араксом вспененная...—Перев. К. Липскерова	72
23. Злобным быть, как иной, не хочу совсем...—Перев. К. Липскерова	73
24. В сад весенний...—Перев. К. Липскерова	74
25. Взорам смертных...—Перев. К. Липскерова	75
26. Всю душу отдам...—Перев. К. Липскерова	76
27. Твоему суду сердце будет радо...—Перев. А. Тарковского	77
28. Голова! о горе!...—Перев. К. Липскерова	78

III. АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ СТИХИ

1. В морях любви...—Перев. В. К. Звягинцевой	79
2. Дитя океана!...—Перев. А. Тарковского	80
3. Все расскажу...—Перев. А. Тарковского	81
4. Надела золотую ткань...—Перев. А. Тарковского	82
5. Я тобой измучен...—Перев. К. Липскерова	83
6. Она взрастила сад красот...—Перев. К. Липскерова	84
7. Полетим бюльбюль с тобою...—Перев. К. Липскерова	85
8. Это к нам идет княжна...—Перев. А. Тарковского	86
9. Ты кисти Индостана вдохновенье...—Перев. В. К. Звягинцевой	87
10. Схожа с ланью убежавшей...—Перев. В. К. Звягинцевой	88
11. О тебе распевал не один ашуг...—Перев. В. К. Звягинцевой	89
12. Розой раскрылась прелесть любимой...—Перев. В. К. Звягинцевой	90
13. Дрожь предложна я...—Перев. К. Липскерова	91
14. Кровью давнишняя рана сочится...—Перев. В. К. Звягинцевой	92
15. В когтях тоски...—Перев. В. К. Звягинцевой	93
16. Глянь ты на грудь мою...—Перев. К. Липскерова	94
17. Весть пришла от яр прелестной...—Перев. А. Тарковского	95
18. Не поведаю миру моих скорбей...—Перев. А. Тарковского	96
19. „Мир—ничто“—мне кто то шепчет...—Перев. К. Липскерова	97
20. Охотнику оленя не настичь...—Перев. В. К. Звягинцевой	98
21. Порой любовь другую хочу найти...—Перев. А. Тарковского	99

22. Какую ты преследовала цель... Перев. А. Тарковского	100
23. Из-за тебя, красавица... Перев. А. Тарковского	101
24. С поникшей головой, в дебрях...—Перев. А. Тарковского	102
25. Вы, послушайте... Перев. К. Липскерова	103
26. Яр, отдай мне твой огорченья... Перев. А. Тарковского	104
27. Ты спросишь о своем рабе...—Перев. А. Тарковского	105
28. Яр, мук терпеть не стану... Перев. В. К. Звягинцевой	107
29. Вываю к господу...—Перев. К. Липскерова	108
30. Дикий мак, затосковавшись...—Перев. К. Липскерова	109
31. Да будут смертному слова мои ясны...—Перев. В. К. Звягинцевой	110
32. Я лишь слуга ашугов искушенных... Перев. К. Липскерова	111
33. Благословен строитель...—Перев. А. Тарковского	112
34. Невыносимым стал... Перев. В. К. Звягинцевой	113
35. Мне ангелом любовь дана... Перев. В. К. Звягинцевой	114
36. Темнеет мир в сердце моем...—Перев. К. Липскерова	115
37. От любви мне дышать невмочь... Перев. В. К. Звягинцевой	116
38. Смерть придет ко мне незванно...—Перев. К. Липскерова	117
39. Этот—друг твой...—Перев. К. Липскерова	118
40. Слова великих мудрецов...—Перев. К. Липскерова	119
41. Хоть мастер опытный...—Перев. К. Липскерова	120
42. Весь этот мир лишь суета...—Перев. К. Липскерова	121

ВФ 00724. Заказ 358. Тираж_а 3000. 8 печатных листов.

Подписано к печати 25/X—45 г.

Типография Армгиза, Ереван, 1945 г.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует
25	2 сверху	кольких	колких
71	5 сверху	родится	родиться
84	2 сверху	стан	стран
84	9 снизу	черватый	чреватый
120	1 сверху	искусств	искусств